

СЕРГЕЙ
БАБУРИН

СТРАЖ НАЦИИ

ОТ РАССТРЕЛА ПАРЛАМЕНТА
ДО НЕВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ РГТЭУ

С Л У Ж И Т Ь Р О С С И И

Сергей Николаевич Бабурин
Страж нации. От
расстрела парламента
– до невооруженного
восстания РГТЭУ
Серия «Служить России»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21433016
Страж нации. От расстрела парламента – до невооруженного
восстания РГТЭУ: Книжный мир; Москва; 2014
ISBN 978-5-8041-0714-8

Аннотация

Когда речь идет о событиях, затрагивающих судьбы миллионов людей, то к человеческой забывчивости добавляется жгучее желание что-то задним числом поправить, изменить, приукрасить. «Никто так не врет, как очевидец», – сказал когда-то Наполеон и был прав. А при смене цивилизаций или политического строя монополию на написание истории всегда имеют победители, стремящиеся прикрыть свой, часто грязный и кровавый, путь искажением, а то и фальсификацией прошлого. Именно стремление сохранить для потомков многие

реальные факты, важные поступки уже ушедших соратников и лежит в основе моего решения всё же составить субъективные очерки недавнего прошлого. Именно очерки, а не обстоятельные мемуары. Научные оценки недавних событий я уже неоднократно изложил в правовых и политических исследованиях, но, как показала жизнь, мой долг перед уже ушедшими, перед теми, кто поверил мне в 1988–1989 гг. и поддерживал меня в последующие десятилетия, – оставить для потомков и субъективное. Ту Правду, без которой останется не до конца понятой сама наша борьба за Родину, за Россию на рубеже XX–XXI веков.

Содержание

Вместо предисловия	6
Отступление первое	8
Отступление второе	10
Отступление третье	14
Часть 1	20
4 октября 1993 года	20
Вредная привычка идти наперекор обстоятельствам, страхам и соблазнам	46
Чувство Родины	52
Россия и русские	60
Из родовой памяти	69
О тех, по кому мы учились жить	75
Конец ознакомительного фрагмента.	109

С.Н. Бабурин Страж нации. От расстрела парламента – до невооруженного восстания РГТЭУ

© С.Н. Бабурин, 2014

© Книжный мир, 2014

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!*

...

*Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец,
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.*

Ф.И. Тютчев

Вместо предисловия «Зачем не выбрал я спокойного пути...»

Путь жизни. Когда человек начинает свой Путь? И как определяется он, маршрут жизни каждого из нас?

Путь – это торжество Духа.

Следовать Пути – не значит бросаться от подвига к подвигу, Путь может прокладываться и рутинной повседневностью. Но Путь всегда – стремление к идеалу, служение не себе. Благотворна радость от такого служения.

Не бывает Пути, устланного на всем своем протяжении розами. А если и бывает, то колючек попадетса больше, чем лепестков. Любой Путь имеет развилки. И бремя выбора направления дальнейшего движения в каждое мгновение жизни лежит на каждом из нас.

Не всегда человек следует Пути, порой он избегает выбора или приспособливается к выбору чужому. В конце своего земного существования такой человек убеждается, что жизнь прошла, но не состоялась.

«Жизнь прожить – не поле перейти!» Легко судить о Пути, когда он пройден, когда жизнь человека осталась позади, когда остается либо славить, либо клеймить старца за уже состоявшееся. А как творить будущее?

Всегда избегал гадать у цыганки на предсказание того, что произойдет! Знать грядущее – это тяжелое бремя, это ужасное испытание. Создавать будущее по своему плану и во имя целей, которые полагаешь священными – это и есть истинная Жизнь.

Отступление первое

С афганской войны, как и многие мои ровесники, я вернулся другим человеком. Все повседневные заботы о работе, жилье и даже здоровье казались такими мелкими по сравнению с ценностью человеческой жизни. Как будто родился заново.

Пожалуй, только в октябре 1993 произошло нечто подобное: лежа на полу своего рабочего кабинета в здании Верховного Совета России под обстрелом из танков, автоматов и пулеметов родной российской армии, я чувствовал себя даже менее уютно, чем под обстрелом душманов. Угнетала нереальность, жуткая невероятность происходящего. И гибель товарищей, и избиения защитников парламента, и камера предварительного заключения... Выйдя на свободу, вновь взглянул на жизнь свежим взором, отбросил суету и обыденность. Жизнь опять как бы начала свой отсчет с нуля.

Отсюда разделение моего жизненного пути на три условных жизни, каждая со своими «тараканами в голове», со своими иллюзиями и стереотипами, радостями и горестями. Отсюда – некий максимализм, стремление каждый день проживать максимально полно, как будто он последний. В чем не прав – не обессудьте!

Не могу, да и не хочу писать воспоминаний – нет желания, да и времени. Но предложить в качестве пояснений

своих политических взглядов, в качестве альтернатив нынешним официальным интерпретациям недавнего прошлого свои свидетельства и аргументы, я посчитал необходимым. Потому и выбрал форму отдельных очерков о событиях и людях. Не хочу писать историю, скрупулезно перечислять цифры и факты, попробую вспомнить атмосферу тех дней, ощущения и эмоции.

Многим морально задолжал, а я всегда стремлюсь отдавать долги. К этому только и приступаю.

Отступление второе

24 сентября 1998 года у меня состоялась многочасовая встреча с Александром Исаевичем Солженицыным. Спасибо моему парламентскому помощнику, инициативному и настойчивому Диме Никитенко, который настоял на ее необходимости и эту встречу организовал.

С пониманием и уважением отношусь к негативному восприятию Солженицына Ю.В. Бондаревым, Л.М. Леоновым (о чем знаю от них лично), блистательным полемистом В. Бушиным, многими другими выдающимися деятелями русской и советской литературы, но всегда воспринимал Александра Исаевича не как писателя, а как выдающегося русского общественного деятеля.

Вдвоем с А.И. Солженицыным мы сидели в кабинете его московской квартиры на Тверской, 12, и из четырех часов три с половиной говорил я, пропустив традиционный сбор в «Олимпийской деревне» у Г.П. Венглинского, главы Фонда защищенности спортсменов им. Льва Яшина.

У меня не было вопросов к великому диссиденту. После 1993 года я был так огорчен его заокеанским одобрением расправы Ельцина над Съездом народных депутатов и Верховным Советом России, что три с половиной часа рассказывал А.И. Солженицыну о том, как наша страна жила без него, и почему в отношении Ельцина и его действий он не прав.

Да и в отношении СССР – во многом тоже. Рассказывал на примере своей жизни, жизни родителей, жизни всех тех, кого знал. О 70-х и 80-х я уже вполне мог свидетельствовать, а уж о 90-х мне тем более было что сказать.

Александр Исаевич вначале был раздосадован (а я откровенно сказал о причине моего прихода и о том, что он опоздал со своим возвращением на Родину года на четыре), потом стал слушать со все большим интересом и делать многочисленные записи. Периодически он что-то уточнял, спрашивал о подробностях, так что это был далеко не монолог. Мы завершили беседу только после того, как Наталия Дмитриевна, супруга Александра Исаевича, многократно заглянув в кабинет, не выдержала и напомнила хозяину, что уже давно вечер, и им пора уезжать за город.

Солженицын был к тому моменту даже раззадорен, он заинтересованно спросил:

– Сергей Николаевич, а вы пишете воспоминания?

– Нет. После 4 октября 1993 года я начал было для истории надиктовывать воспоминания о том, чему был участник или свидетель, но сразу понял, что если писать всю правду – надо уходить из политики, а если правды не писать – то что это будут за воспоминания.

– Вы не правы. Все забывается. Пишите «в стол».

– Это в Ваши времена, Александр Исаевич, можно было писать «в стол». А ныне и без твоего участия все написанное может оказаться в Интернете.

– И все же пишете. На истории Вашей жизни можно создать несколько романов.

В чем оказался прав А.И. Солженицын – все забывается, особенно нюансы. А когда речь идет о событиях, затрагивающих судьбы миллионов людей, то к человеческой забывчивости добавляется жгучее желание что-то задним числом поправить, изменить, приукрасить. «Никто так не врет, как очевидец», – сказал когда-то Наполеон и был прав. А при смене цивилизаций или политического строя монополию на написание истории всегда имеют победители, стремящиеся прикрыть свой путь, часто грязный и кровавый, искажением, а то и фальсификацией прошлого.

Именно стремление сохранить для потомков многие реальные факты и лежит в основе моего решения все же составить субъективные очерки недавнего прошлого. Именно очерки, а не обстоятельные мемуары. Научные оценки недавних событий я уже неоднократно изложил в правовых и политических исследованиях¹, но, как показала жизнь, мой долг перед уже ушедшими, перед теми, кто поверил мне в 1988–1989 годах и перед теми, кто поддерживал меня в по-

¹ *Бабурин С.Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок (несколько изданий, в том числе за рубежом, первое – в 2005); *Территория государства: правовые и геополитические проблемы* (М., 1998); *Территориальные режимы и территориальные споры* (М., 2001); *Российская реинтеграция* (М., 2006); *Государствоведение: научные труды* (М., 2010); *Современный русский консерватизм* (М., 2010); *Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс* (совместно с А.Д. Урсулом. М., 2011); *Возвращение русского консерватизма* (М., 2012) и др.

следующие десятилетия, – оставить для потомков и субъективное. Ту Правду, без которой останется не до конца понятой сама наша борьба за Родину, за Россию на рубеже XX–XXI веков.

Отступление третье

В момент политического затишья ранней весной 1998 года (президентские выборы уже «отгорели», до парламентских – около двух лет, политический режим укрепился, воссоединение с Белоруссией медленно, но началось) все тот же неутомимый Дима Никитенко как-то предложил:

– Сергей Николаевич, у вас же хороший баритон. Давайте сделаем акцию: на каком-либо публичном мероприятии вы на сцене подхватите или запоете песню. Смотрите, как ярко выглядит Лужков, когда выбегает на сцену и подпевает...

Мне стало смешно (нашел певца!). Когда Дима подошел со своей идеей второй раз, я рассердился и порекомендовал ему заняться текущей работой. Но помощник настойчиво гнул свою линию. После его третьего «захода» пришлось придумать.

– Почему бы и нет? К тому же у меня есть человек, с которым я могу посоветоваться.

– Кто?

– Стас Намин.

От этого имени Дима радостно остолбенел, а я сразу позвонил Анастасу Алексеевичу, с которым был в добрых отношениях, и условился, что заеду к нему в Зеленый театр.

Стас Намин к тому времени уже давно был не только талантливый музыкант, но и успешный продюсер. Чего стоил

только его проект – группа «Парк Горького». Ее звезда закатилась лишь когда они двинулись покорять США и решили избавиться от опеки отца-основателя. Переоценили себя.

Стас выслушал идею и среагировал мгновенно:

– А что, интересно. Но нужно подготовить не одну песню, а две или три. На всякий случай. А давай тогда их и запишем. Слушай, а давай запишем 4–5 песен, выпустим кассету. А если кассету, то давай и диск одновременно сделаем – записи-то те же. Слушай, а давай и видеоклип снимем!

– Притормози, Стас! А вдруг у меня и голоса нет?

– Да какая разница? У нас что, у эстрадных звезд у всех голоса есть? Полно безголосых. Нет, если будет совсем плохо, я скажу.

Стас тут же пригласил своего давнего друга, опытного музыканта и аранжировщика Владимира Белоусова. Владимир Иванович отнесся к идее скептически, но за дело взялся.

Началась многомесечная полусекретная подготовка к записи. В перерыве между заседаниями парламента я с одним из помощников – или Димой Никитенко, или Костей Каравайным (они единственные были посвящены в затею) – уезжал «на встречу» или «на совещание», и два часа занимался с Татьяной Анциферовой, замечательной певицей и музыкальным педагогом, женой В.И. Белоусова. Она помогала ставить дыхание, а через какое-то время – и шлифовать песни.

И только когда прошли месяцы подготовки, приближа-

лись к концу дни работы в студии звукозаписи, а я все не мог нащупать звучащий стержень проекта – какую песню сделать первой, центральной, Дмитрий Никитенко, краснея, сказал:

– Я когда-то получил музыкальное образование и недавно написал песню о сыне. Предлагаю ее.

У меня в то время должен был родиться четвертый сын.

– Покажи.

Дима напел.

– Отлично. Теперь понятна твоя настойчивость в делании из меня певца. Но давай песню повернем. Сделаем не песню о сыне, а обращение к нему. Это должна быть, скажем, колыбельная. Колыбельная, адресованная сыну.

Сел тут же писать, перекраивая и меняя текст, что-то формулируя с нуля, исходя из изменившейся направленности текста. Появился не просто иной аспект, появился другой смысл и песни, и самого песенного проекта. Дима даже настаивал, чтобы меня указали в качестве автора текста одного, но это было бы нечестно. Мы стали соавторами.

Когда все намеченные песни были записаны и нами прослушаны, только в этот момент я осознал, что все спел неправильно, понял, как надо бы их исполнять.

– Все записанное надо стереть и переписать. Все надо петь иначе, прежде всего ниже, не пытаясь по школьному выполнять гаммы.

Белоусов охладил:

– Все. Деньги спонсоров кончились. Как закончилось и

наше время аренды студии.

Записанное оставили как есть.

Фото к песенному проекту летом 1998 года делал сам Стас Намин. Ну и помучил!

Сняли и два видеоклипа. Не обошлось без казуса. Когда вели съемки на Тверской, мне пришлось несколько раз делать проход под уже записанную свою же фонограмму «Московских окон». Прохожих было достаточно много, и один из них подошел к осветителям и поинтересовался:

– Скажите, а кто играет Бабурина?

Видно, умный был человек, понимал, что серьезный политик таким баловством заниматься не должен.

С показом клипов по ТВ нас постигла неудача.

В этот момент на ТВ неожиданно показали видеоклип с речитативными завываниями Жириновского, а появляться на экране в том же жанре после него означало терять репутацию. Нам же Бадри Патаркацишвили, управлявший тогда, по поручению Б. Березовского, телевидением, с которым у Стаса Намина были прекрасные отношения, посмотрев клипы, в показе отказал. На удивление Стаса («Впервые сталкиваюсь с тем, что я плачу, а мне говорят – не надо!»), Бадри, по словам Намина, ответил:

– Во-первых, Бабурин в «черном списке», и эфира ему не будет. Во-вторых, если бы было, как у Жириновского, то еще можно было бы подумать, но тут у вас ведь серьезно.

Снятые клипы по ТВ не показали. Отрывок «Колыбель-

ной сыну» прозвучал лишь в «Русском Доме» русского подвижника А. Крутова.

«Колыбельная сыну» стала не просто камертоном проекта, она стала выражением моего жизненного КРЕДО. Именно поэтому ее простенькими словами хочу открыть эту подборку субъективных очерков. Пусть при всей разрозненности элементов жизненной мозаики мой рассказ о людях и событиях станет хотя бы частичным выполнением долга памяти перед теми друзьями и единомышленниками, которым не довелось дожить до дня сегодняшнего.

А стихи? Неказисто, но искренне и по теме.

*Здравствуй, мой сынок,
в колыбели сладко спишь ты.
Может, видишь ты меня во сне.
Ты меня прости, так тебя я редко вижу.
И знай: я помню о тебе!*

*Ты меня просил о добре и зле поведать —
Нашей сложной жизни путь не прост.
Станешь повзрослей, обретешь свою победу,
Найдешь ответ на свой вопрос.*

*Ты сможешь понять, зачем
я каждый день живу, сгорая,
Зачем не выбрал я спокойного пути.
От бурь и невзгод спасти,
дом наш родной спасти пытаюсь,*

Я должен этот путь пройти.

Крепко спи, малыш! И пускай тебе приснится

Вся Земля без войн и Солнца свет.

Добрый, верный друг. Детский смех. Родные лица —

Другого смысла в жизни нет!

1998

Часть 1

Наперекор ветрам

4 октября 1993 года

Вооруженный мятеж

бывшего президента

Ранним утром нас разбудили длинные очереди из автоматического оружия.

Беспорядочно работал пулемет. Вскочив, мы бросились к окнам. Вдоль Краснопресненской набережной двигалась пара бронетранспортеров, подминая горевшие костры защитников парламента, один из бронетранспортеров поливал все окружающее пространство свинцовым ливнем.

Так для меня и всех остальных защитников российской Конституции, находившихся в Доме Советов России, начался день 4 октября 1993 года.

Орудийный дивертизмент

российскому парламенту

Было около 6 часов утра. Я находился в комнате отдыха

своих служебных апартаментов председателя парламентского Комитета на шестом этаже Дома Советов – здания Верховного Совета Российской Федерации. В моем огромном кабинете отдыхали помощники – Алексей Суслов и Алексей Ващенко, дремал на раскинутом диване депутат Николай Павлов.

Началось.

Горечь происходящего не стала неожиданностью – после непонятных событий накануне у Останкино, где, как мы уже знали, пролилась кровь, после моих ночных поездок в штаб МВО и Министерство государственной безопасности, а затем к Генштабу, чего-то подобного я ожидал. Но на чудо и здравый смысл всегда хочется надеяться.

Попытка пройти из нашего крыла в центральную часть здания не удалась – первый же человек, рискнувший появиться на лестничной клетке, был ранен снайпером, стрелявшим со стороны мэрии. Раненого занесли ко мне в приемную и среди тех, кто оказывал ему медицинскую помощь, был молодой монах. Так мы познакомились с отцом Никоном (Белавенцем), православным и монархическим подвижником, дружбу с которым сберегаю доныне.

Последующие несколько часов были наполнены грохотом выстрелов и чувством собственной незащитности. Из 12 человек, что лежали под автоматным и пулеметным обстрелом на полу моего кабинета (в том числе три женщины и один ребенок – сын журналистки), ни у кого не было оружия. Ни

у контр-адмирала Березина, ни у нескольких членов Союза офицеров, ни, тем более, у депутатов и женщин. Я, например, после Афганистана не мог заставить себя зайти даже в тир, тем более исключал возможность брать в руки оружие. Настрелялся!

В середине дня к выстрелам из пулеметов и автоматического оружия добавился артобстрел.

Мы увидели, как центральная часть здания Дома Советов вздрагивает и рушится под обстрелом стоящих на мосту и у гостиницы «Украина» танков. В чем-то повезло: танковые снаряды летели в центральную часть здания, мой же кабинет находился в правом крыле, стоящем перпендикулярно фасаду. От снарядов мы были избавлены, но при малейшем качании жалюзи на окнах, раздавались выстрелы из стрелкового оружия.

Какие мысли были в те часы и минуты?

Конечно, мысли о невероятности происходящего. Мы, избранные народом депутаты парламента России, находимся в стенах своего парламента, а по нам стреляет родная российская армия.

Где-то в середине обстрела Н.А. Павлов, чертыхаясь и переползая ближе к столу заседаний комитета, спросил:

– Сергей Николаевич, ты человек военный, прошел солдатом Афганистан. Что надо будет делать, если в кабинет залетит снаряд?

Все разговоры смолкли в ожидании моего ответа.

Что ж, каков вопрос, таков и ответ. Размеренно и спокойно, но так, чтобы слышали все, я ответил:

– Если в кабинет залетит снаряд, то подождать, когда пыль от разрыва осядет, и действовать по ситуации.

Шутка была рискованной, но восприняли.

Только во второй половине дня, когда начались переговоры, и обстрел прекратился, мы смогли пробраться в центральную часть здания парламента. По пути туда увидели и внутри здания, и снаружи тела погибших защитников. Первыми погибшими для меня стали те, что лежали на косогоре напротив 20 подъезда у символического бруствера. Еще накануне я беседовал с окапывавшимися там двумя молодыми казаками.

Снаружи через громкую связь передали, что предлагают всем женщинам и журналистам покинуть здание, гарантируя их безопасность. Увидев в зале Совета Национальностей Надежду Гарифуллину, все дни находившуюся рядом с нами, я подошел к ней:

– Надежда Халиловна, вы страшно устали. Журналистам обещают безопасный проход. Идите.

Взгляд, который на меня бросила эта замечательная женщина, просто обжег:

– Я думала, что я Ваш соратник. Неужели для вас, Сергей Николаевич, я только журналист и женщина?

Поняв, что невольно глубоко обидел не просто блистательную журналистку, «золотое перо» боевой «Советской

России», а, действительно, близкого и давнего друга, единомышленника, я искренне и горячо извинился за свою глупость.

Часть журналистов и сотрудниц аппарата покинули здание. Из женщин-депутатов – никто:

– Если мы будем выходить, то только вместе с нашими мужчинами-депутатами.

Спросив, где и.о. Президента и Председатель Парламента, я поднялся во временное помещение штаба обороны.

Р. Хасбулатов безучастно раскуривал трубку. А. Руцкой яростно метался по кабинету, проклиная предателей и требуя сохранить аудио- и видеодоказательства того, что огонь на поражение вели только лица, штурмующие Парламент.

Вскоре в комнату отдыха Председателя Верховного Совета, где в тот момент мы с Хасбулатовым и Руцким находились, пригласили двух офицеров группы «Альфа», которые пришли на переговоры.

Пришедшие не скрывали, что воспринимают все происходящее как невероятную трагедию. Но они хотят сделать все возможное, чтобы прекратить кровопролитие, и готовы обеспечить безопасность и депутатам, и всем защитникам парламента, если те согласятся покинуть здание.

Мы коротко обменялись мнениями. Ситуация была очевидна. Парламент, а вместе с ним Справедливость и Закон, проиграли. Дальнейшее сопротивление вело лишь к человеческим жертвам.

А.В. Руцкой, бурно проклиная преступника Ельцина и его сообщников, потребовал возможности спасти документы и аудиоматериалы, доказывающие безупречность действий защитников конституции. Как вариант, он потребовал возможности укрыться руководству защитников Дома Советов в одном из иностранных посольств, например, Индии, куда их должны отвезти в бронетранспортере с развевающимся российским флагом.

Р.И. Хасбулатов меланхолично курил свою трубку, оставаясь равнодушным и к возможностью укрыться в посольстве, и к возможной гибели.

Поблагодарив представителей «Альфы», я поддержал предложение выводить людей из здания. Решение было принято. От предложения Руцкого вместе с ними ехать в посольство отказался, сказав, что их удел – спасти правду о событиях, а мой – помогать всем нашим соратникам безопасно выходить из Дома Советов.

Возвращаясь после закончившихся переговоров в зал заседаний Совета Национальностей я снимал на свою ответственность все посты защитников по пути к залу:

– Оборона завершена, спасибо за мужество и поддержку. Положите оружие на пол на этом месте и следуйте за мной.

Последнее заседание Съезда

В зале заседаний Совета Национальностей, защищенном

от обстрелов, к тому времени собрались основная часть народных депутатов, сотрудники аппарата и многие защитники. Царили растерянность и горечь от всего происходящего, чувства беспомощности и обреченности. Мы не могли и не должны были так, на этой ноте, завершать свою героическую оборону. Поднявшись за стол президиума и взяв в руки имевшийся мегафон, я обратился к присутствующим:

– Уважаемые народные депутаты, сотрудники аппарата Верховного Совета, дорогие защитники Конституции! Достигнута договоренность о свободном выходе из здания Верховного Совета. Офицеры группы «Альфа» обеспечивают безопасность всех, находящихся в здании. Прошу сохранять спокойствие и порядок.

Я говорил и говорил, чтобы успокоить людей, чтобы они гордились правотой нашего дела. Заметив, что подошел Р.И. Хасбулатов, я об этом сообщил и предоставил слово Председателю Верховного Совета.

Р.И. Хасбулатов выступил трагично. Он подводил итоги:

– Находясь между жизнью и смертью, когда мы увидели своими глазами, как растерзали Демократию и сердцевину этой демократии – Российский Парламент, я призываю вас всех покинуть это здание. Тяжело уходить, но пусть нас всех утешает мысль, что жизнь одна, и мы были верны Долгу и нашему Народу. Конечно, мы с вами совершили множество ошибок, наверное, больше всех совершил я.

Хасбулатов говорил, а мне все больше не нравилось чув-

ство обреченности в его речи. На мятом листке бумаги я стал набрасывать проект возможного последнего документа Съезда.

– Я призываю всех вас хранить память о нашей совместной работе и об этих трагических днях. – продолжал Хасбулатов. – Может быть, многих раздражала раскованность и бесконечные дискуссии на заседаниях Съездов и Верховного Совета. Но придет время, когда именно без такой раскованности и дискуссии нашим людям станет не по себе. Вы меня простите, что не сумел сохранить жизнь погибшим. Будьте здоровы. И – прощайте!

На такой траурной ноте совершенно нельзя было завершать. Я вновь взял слово:

– Уважаемые народные депутаты! Наше дело правое, мы выходим отсюда с чистой совестью: мы выполнили свой долг. Давайте скажем сейчас спасибо всем, кто в эти трудные дни был с нами, разделяя тяготы, рискуя жизнью. Есть, к сожалению, погибшие – вчера, у телецентра, и сегодня у Дома Советов. Наш долг – остановить дальнейшее кровопролитие.

Я предложил принять перед выходом из здания прощальное Обращение Съезда, зачитал проект и предложил проголосовать. Раздались крики нескольких человек, что хотели бы проголосовать не только депутаты. Я спросил коллег и, получив их согласие, поставил проект Обращения на общее голосование присутствовавших.

Обращение было одобрено единогласно.

В этот момент в зал вошли несколько человек в камуфляже и стали торопить с выходом. Я стал завершать:

– Уважаемые народные избранники, работа Съезда завершена. Не нашей волей, не волей избирателей – насилием и попранием Конституции. Уверен: мы защищали законность и справедливость, нам нечего стыдиться. Мы выходим из здания побежденными, но не сломленными. Правда на нашей стороне. Жизнь не закончена.

Пытался бодриться сам и поднимать дух другим:

– Прошу членов Комитета по судебной реформе и работе правоохранительных органов вести сбор материалов об обстоятельствах произошедшего государственного переворота. Давайте через несколько дней соберемся на заседание Комитета... Уважаемые защитники Конституции и Дома Советов, выходим. Организованно. Ни с кем не прощаемся надолго. До встречи!

Этими словами был завершён X (Чрезвычайный) Съезд народных депутатов России. Волей обстоятельств мне довелось председательствовать на его последнем заседании.

И судьбу каждого решал случай...

Работники аппарата парламента, а за ними депутаты потянулись на выход. Нам с Р.И. Хасбулатовым и Ю.М. Ворониным, стоявшим у стола президиума, предложили остаться. Р.И. Хасбулатов апатично присел, а к стоявшему рядом

со мной Ю.М. Воронину склонился его штатный охранник:
– Юрий Михайлович, мне это очень не нравится: Вы и другие руководители здесь останетесь, а всех остальных удалят. Что здесь может произойти – никто не узнает, свидетелей не будет.

Воронин взглянул на меня:

– Идем со всеми?

Я кивнул и позвал своего помощника А. Суслова. Молча, но решительно мы пошли к выходу вслед за ушедшими коллегами.

Уже в холле первого этажа нагнали основную группу депутатов и защитников и вместе с ними вышли через первый подъезд.

То, что мы увидели, никто из нас, уверен, не сможет забыть никогда.

По обе стороны живого коридора, по которому мы шли, щитом выстроились бойцы «Альфы». Стояла оглушительная тишина, редко прерываемая раздававшимися где-то за зданием СЭВ выстрелами. Высоко над нами потрескивало пламя – верхние этажи здания Парламента были охвачены огнем.

Потряс вид крыш окрестных высотных домов – они, как и набережные, и мост были заполнены тысячами людей, которые с любопытством смотрели на горящее здание, на нас, выводимых из него. Мы тогда не знали, что CNN ведет прямую трансляцию происходящего на весь мир.

С В. Исаковым, Н. Павловым и С. Михайловым мы шли, замыкая колонну, выводя впереди себя всех защитников, кто попадался нам по пути. Едва мы вышли на улицу и сделали несколько шагов по площадке в сторону большой парадной лестницы, из ряда спецназовцев справа навстречу нам шагнул незнакомый офицер:

– Сергей Николаевич, мы Вами гордимся!

И протянул мне руку. Я ее пожал, растерянно ответив:

– Мы делали то, что должны были делать.

Чуть дальше нас перехватили два офицера с кинокамерой:

– Сергей Николаевич, что вы можете сказать о происходящем?

– Я скорблю за Россию.

Николай Павлов взорвался:

– Ты скажи о том, что Клинтон подонок и свинья. И больше никогда в России в Америку верить не будут!

Владимир Исаков горько пошутил:

– Что-то я не замечал раньше, чтобы ты в Америку верил.

Павлов с досадой махнул рукой.

Далеко мы не ушли. Только первых вышедших из здания посадили в автобусы и увезли, как сказали, к метро. Всех остальных остановили на лестнице. Вскоре мимо нас, старательно не глядя на людей, промчался с охраной А.

Коржаков. Много позже мне подарят видеозапись, где за-

печатлено, как Коржаков подбегает к первому подъезду и спрашивает у стоящего в дверях полковника:

– Где Бабурин? Где Баранников?

Полковник, останавливая пытающихся выйти из здания Олега Румянцева и Сажи Умалатову, спокойно докладывает:

– Бабурин уже ушел. А Баранникова не было.

А.В. Коржаков с непроницаемым лицом кивает. Через несколько лет он признается, зачем нас искал, но затем станет отрицать даже сам факт поиска.

Вскоре к первому подъезду подогнали автобус, на котором развевался государственный триколор, прикрепленный к кабине водителя. Вспомнив о требовании Руцкого предоставить бронетранспортер, я подошел к стоявшему в группе депутатов Ю.М. Воронину:

– Юрий Михайлович, скорее всего это автобус, который повезет Руцкого и Хасбулатова в иностранное посольство. Может быть, и вам с ними?

Воронин без раздумий отрицательно качнул головой:

– Нет. Обойдусь. Лучше я с вами.

В который раз интуиция выручила этого опытного руководителя, ведь вместо посольства высокопоставленных руководителей государства увезли в тюремные камеры Лефортово.

Стало смеркаться, а обещанных автобусов все не было. Наконец, в наш адрес прозвучали предложения идти с со-

провожающими к метро пешком. Мы согласились и, спустившись с лестницы на набережную, повернули в сторону от моста. Прошли едва квартал, как под впечатлением прозвучавших впереди автоматных очередей, нашу колонну развернули и, направив в дверь разгромленного магазина, повели сквозь него во внутренний двор.

Рядом со мной шла телевизионная группа, то и дело норовившая взять комментарий к происходящим событиям. Наконец, в подсобке этого магазина мы остановились.

Едва начав интервью, я услышал крики в темном торговом зале, сразу несколько голосов закричали:

– Сергей Николаевич, там наших мальчиков бьют.

Я узнал девочек из молодежного поэтического объединения «ПОРТОС», приехавшего на защиту Верховного Совета из Калуги. Извинившись перед журналистами, я шагнул в темноту.

Действительно, нескольких парней из ПОРТОСА остановили и спецназовцы перетряхивали их необъятные туристические рюкзаки, не находя ничего, кроме одежды, сборников стихов и гигиенических принадлежностей. Я поручился за ребят и попросил их отпустить.

И тут я «попал».

– Смотри-ка, Бабурин.

– Точно!

– А ну-ка сам стой, руки за голову!

Для большего понимания двинули прикладом по ребрам

и, вернув в подсобку, поставили спиной к стене. Одновременно стали выталкивать из подсобки всех, кто там еще находился, во внутренний двор.

Алексей Суслов, мой друг и официальный помощник, бросился за депутатами, крикнув, что Бабурина собираются расстрелять. Первым мне на помощь бросился В.Б. Исаков, заявив, как и надлежит интеллигентному человеку, решительный протест беззаконию. Уточнив, что он еще и депутат, ему тут же прикладом разбили очки, потом начали избивать прикладами и ногами.

Как по команде, избиение перекинулось на всю нашу колонну. Особенно доставалось депутатам и работникам милиции. Геннадия Александровича Данкова, моего заместителя по Комитету, бывшего начальника УВД Самарской области, обнаружив у него кроме удостоверения народного депутата еще и удостоверение генерал-майора МВД, ударив несколько раз прикладами, повалили на землю и стали пинать ногами со словами:

– Так ты еще и мент!

Всех – и мужчин, и женщин – погнали сквозь строй истеричных омоновцев, стараясь если не повалить, то уж ударить или толкнуть каждого побольнее.

Но всего этого я еще не знал, ожидая в душной подсобке решения своей участи. О моем задержании доложили кому-то по рации, получили приказ не церемониться и поставить к стенке.

Почему-то считается, что меня арестовали в 19.07. Я на часы не смотрел.

Два энтузиаста в бронежилетах, опробуя на моих ребрах по очереди прочность своих прикладов, стали спорить между собой за право расстрелять Бабурина.

Особенно их раздражало то, что я стою молча и спокойно жду.

– И чего ты, сука, молчишь?! Так ты, сука, еще и улыбаешься?!

Самому сейчас трудно объяснить, почему в тот момент был совершенно спокоен, улыбаясь бесновавшимся бойцам чуть ли не сочувственно. Они не были обкурены или пьяны – под впечатлением от чудовищности всего происходящего, от сообщения о гибели их товарища-офицера они были, по-видимому, в состоянии аффекта. Я их понимал и не винил.

Понимал я, что по всем законам жанра, как один из главных недругов Ельцина, под шум и горячку государственного переворота, должен быть физически устранен. Логично. Как всегда в истории.

Нет, я не вспомнил в те минуты всю свою жизнь. Но думал о своей семье, о жене Татьяне и наших с ней сыновьях. Меня согрела и укрепила мысль, что на мне род мой не пресечется.

А вот дальше – спасибо Ангелу-Хранителю!

Во-первых, мне помогли бетонные стены подсобного помещения: бойцы опасались рикошета, обсуждали между собой, не вывести ли меня для расстрела во внутренний двор.

Во-вторых, очень многие из стоявших в оцеплении, а потом и штурмующих, симпатизировали не Ельцину, а нам. Не случайно защитники Конституции не полегли все в здании парламента, несмотря на прямой приказ солдатам стрелять на поражение по каждому, кого те увидят в здании!

«Энтузиасты» отвлеклись на новых задержанных – молодого, коротко стриженного парня в спортивном трико, в котором они заподозрили переодетого солдата, и бородача в камуфляже. Когда «новеньких» поставили лицом к соседней стене, командир задержавшей меня группы тихим голосом отдал приказ двум другим спецназовцам вывести меня из подсобки и присоединить к «остальным».

Последнее, что я увидел, когда меня конвоировали наружу, это извивающийся под ударами возможный солдат и бородач, сползающий на землю после сопровождавшегося хрустом удара прикладом по позвоночнику.

Заставляя держать руки сцепленными на затылке, меня толкнули к освещенному слева входу в подъезд. Вдруг группа людей, стоявших чуть поодаль, у припаркованных машин, среди которых я узнал своего помощника Алексея, стала кричать:

– Сергей Николаевич, Сергей Николаевич! Не ходите туда!

Один из конвоиров дал раздраженно очередь из автомата в сторону кричавших, к счастью, никого не задев. Но я понял, что просто так кричать не станут, и решительно повер-

нул в сторону этой группы. К моему удивлению, конвоиры не стали препятствовать, но и не позволили мне присоединиться к стоявшим там товарищам по несчастью. Провели мимо, и вскоре доставили во временное расположение их части.

Радостные крики «Бабурина задержали! Бабурина задержали!» меня вовсе не обрадовали. Вновь поставив меня к стенке, один из конвоиров пошел доложить. Вскоре среди окружившей меня толпы солдат показался командир.

Приказав всем отойти, он сам, напротив, приблизился ко мне и, наклонившись к уху, тихо спросил:

– Сергей Николаевич, вы помните Куликово поле?

С удивлением вспомнил осень 1992 года, когда в составе большой делегации русских писателей и художников, возглавляемой Вячеславом Клыковым, Валерием Николаевичем и Светланой Федоровной Ганичевыми, я побывал на Куликовом поле в дни 600-летия кончины преподобного Сергия Радонежского.

– Помню.

– Мы там были вместе. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Офицер распрямылся и уже громко, совсем другим голосом скомандовал, чтобы с меня не спускали глаз, но чтобы ни один волос с моей головы не упал.

Разрешили опустить руки и через какое-то время посадили в подъехавший «рафик». Вскоре ко мне присоединили избитого рязанского народного депутата В.Н. Любимова, со-

ратника по фракции «Россия».

На улице продолжали кипеть страсти. Стрельба, в середине дня практически прекратившаяся, с вечера вспыхнула с особым ожесточением.

Глубокой ночью нас с В. Любимовым доставили в следственный изолятор на Петровку 38 и развели по разным камерам.

Меня поместили в камеру № 20. С сокамерниками повезло – ими оказались депутаты Моссовета, члены комиссии по законности во главе с ее председателем А.А. Цоповым. Сокामерниками Любимова стали заместитель председателя Моссовета полковник милиции Ю.П. Седых-Бондаренко и бывший начальник УВД Москвы генерал В.С. Комиссаров.

Зайдя в камеру и уточнив, где свободные нары, я лег и впервые за прошедшие дни крепко заснул.

Жизнь в камере – это отдельная история.

Освободили нас вечером 5 октября, вызвав по одному из камеры. Меня вызвали последним.

Это ни с чем нельзя сравнить – ощущение остановившегося времени, когда сокамерников по одному куда-то уводят, и ты оказываешься в одиночке. Горит круглосуточно лампа дежурного освещения. Гробовая тишина, изредка нарушаемая отдаленными звуками в коридоре. Поскольку солнечного света в камере нет, часов тоже, то время суток неизвестно (ориентируешься только по подаче пищи).

Сколько ты пробудешь в таком состоянии – не известно.

Может быть минуты, а может быть, всю оставшуюся жизнь. Тем более, что куда увели твоих товарищей – неведомо.

Когда подошел мой черед, привели в кабинет, где находились два незнакомых человека в штатском. Представились: один – представитель прокуратуры города, второй – УВД. Попросили написать объяснение, как я, председатель Комитета Верховного Совета по судебной реформе и работе правоохранительных органов, попал в камеру, поскольку никаких документов, объясняющих мое, как и моих сокамерников, здесь нахождение, не имеется. Написал, после чего, принеся извинения за мое незаконное задержание, мне сообщили, что я свободен.

Я посмотрел на них как на чумных:

– Вы, коллеги, о чем? Вы что, не понимаете, что происходит государственный переворот, а я противник того, кто его осуществляет?

– Сергей Николаевич, законных оснований для вашего здесь нахождения нет.

– Нет, нет, я не прошу вас вернуть меня назад в камеру! Но просто как человек ответственный, хочу предупредить, что у вас могут быть неприятности в случае моего освобождения.

– Повторяем, законных оснований держать вас здесь, у нас нет.

Оставалось поблагодарить за четкое соблюдение закона и выполнение своего служебного долга.

Учитывая, что уже наступил комендантский час, нас развезли по домам милицейскими машинами. Мы ехали в одном узике с Седых-Бондаренко и Комисаровым. Прощались тревожно – будущее было неопределенным.

Конечно, дома встретили улыбками и слезами. Порадовало, что семья не была брошена – тут стояла большая сумка с продуктами, принесенная заботливыми Светланой Федоровной и Валерием Николаевичем Ганичевыми, там – привезенный из-под Пензы мешок картошки... Кто-то помог деньгами, кто-то помощью в житейских нуждах – дети-то еще маленькие (9, 3 и 1,5 года).

Зашли справиться о здоровье соседи по подъезду – А.А. Пономарев и И.П. Рыбкин, выбравшиеся из горевшего парламента более успешно.

На другой день стало известно, что через полтора часа после моего освобождения на Петровку, 38 пришел приказ Бабурина не освобождать. У людей, меня освободивших, действительно начались неприятности по службе.

Б. Ельцин был разъярен тем, что я оказался жив и на свободе.

Много позже, перестав быть Генеральным прокурором Российской Федерации, А.И. Казанник расскажет, что Б. Ельцин звонил ему первые дни ежедневно с вопросом, почему Бабурин не арестован. А тут еще перепуганный командующий 14-й российской армией в Приднестровье генерал

А.И. Лебедь дал пресс-конференцию в Тирасполе. Все сентябрьские дни он болтался как дерьмо в проруби между Руцким и Грачевым, заверяя и того, и другого в своей поддержке, выжидая, кто победит, а после нашего разгрома бросился доказывать свою преданность Ельцину.

С подачи коменданта Тираспольского гарнизона полковника М. Бергмана А.И. Лебедь заявил, что Верховный Совет ПМР – бандиты, они помогали бандитам в Верховном Совете России, поставляли оружие. А руководил поставками оружия С.Н. Бабурин, лично которому президент И.Н. Смирнов подарил снайперскую винтовку.

Против меня было возбуждено уголовное дело по этой самой винтовке и поставкам оружия. За осень 1993 года допросили десятки людей, предлагая дать обо мне показания. Давали, но никто не пошел на ложь, даже когда просили, что не надо говорить, что Бабурин стрелял, дайте лишь показания, что видели, как он прячет оружие. Мой земляк, соратник и единомышленник Вячеслав Котельников, тоже прошедший через мясорубку 4 октября, рассказывал о таком допросе с негодованием.

Я облегчил выбор свидетелям, ибо за весь период осады ни разу даже не прикоснулся к оружию. Дело против меня прекратили за отсутствием события преступления, но с 1993 года оно было заведено и, при необходимости провести в отношении меня оперативные мероприятия, может всегда возобновляться, а потом вновь прекращаться. «Спасибо» гене-

ралу Александру Лебедею!

Через годы, 6 ноября 1999, после рабочей поездки в Ачинск, в «Соснах» под Красноярском я последний раз встретился с А.И. Лебедем. На обеде присутствовал его первый зам Ш.П. Бреус. Мы говорили о Чечне. Я требовал объяснений, А.И. Лебедь их давал. В чем-то аргументы собеседника мною были приняты, в чем-то нет. О Приднестровье и 1993 мы переговорить не успели. Я отложил эти еще более тяжелые вопросы на потом, которого, увы, не случилось.

В начале октября 1993 года возможность преследований была для меня очевидна.

Сейчас уже можно рассказать, что было принято решение дома мне несколько дней не ночевать. Незадолго до очередного комендантского часа за мной заехала на своем стареньком «Москвиче» Елена Лукьянова и с соблюдением всей киношной конспирации вывезла меня за город, на дачу к фронтовику и художнику Ивану Алексеевичу Пензову. В доме семьи Пензовых я и отсыпался два дня.

Когда выяснилось, что Руцкой, Хасбулатов, Ачалов, Макашов, Баранников, Дунаев не в иностранных посольствах, а в тюремных камерах в Лефортово, что ищут других лиц, «причастных к мятежу», оппозиционные газеты закрыты, ФНС и КПРФ запрещены, я принял решение прорываться к журналистам. Только у меня был последний принятый разгромленным Съездом документ.

В своей жизни чаще горжусь, чем сожалею, что никогда

не преступал закон. Поэтому законный арест никогда не грозил, а беззаконие... От беззакония никто не застрахован.

Политическое завещание народных депутатов России

Через друзей и единомышленников стал искать встречи с журналистами. Конечно, официальные пресс-центры в контакте отказали. Вдруг предложил свою площадку для пресс-конференции Советско-американский пресс-центр, находившийся в гостинице «Славянская» у Киевского вокзала.

Не заезжая домой, я в назначенное время подъехал и быстро прошел через длинный коридор к офису пресс-центра. Перед его входом стояла огромная толпа журналистов, десятки кино- и телекамер. Вошел внутрь, меня сразу проводили к руководителю.

Несколько смущенно на хорошем русском языке интеллигентный американец сообщил, что они получили письменное указание из Пресс-службы Президента России с запретом проводить мою пресс-конференцию.

– Конечно, господин Бабурин, мы уже заявили свой решительный протест! Это грубейшее нарушение прав журналистов. Но мы вынуждены выполнить полученное указание, мы не можем пойти на прямое неподчинение.

Видя мое посмурневшее лицо, американский менеджер добавил:

– Но, господин Бабурин, если вы выйдете из нашего пресс-центра и у входа ответите на вопросы журналистов, то это ваше право. Сразу скажу: журналисты уже предупреждены, они расставили кинокамеры.

Искренне поблагодарив, я вышел наружу, к прессе.

Коротко сказав о произошедшем перевороте и работе Чрезвычайного Съезда народных депутатов, зачитал принятое нами перед выходом из здания Обращение:

«Соотечественники!

Десятый (Чрезвычайный) Съезд народных депутатов Российской Федерации сегодня, 4 октября 1993 года, закончил свою работу. Народные депутаты России, сотрудники аппарата Верховного Совета Российской Федерации, все защитники Дома Советов России покидают охваченное пожаром здание побежденными, но не сломленными. Мы выполнили свой гражданский долг по защите конституционного строя Российской Федерации до конца. Не наша вина, что министерство безопасности, министерство внутренних дел, министерство обороны, большинство структур исполнительной власти поддержали государственный переворот 21 сентября 1993 года и силой подавили сопротивление защитников Конституции. Такова судьба России. Низкий поклон каждому, кто мужественно назвал преступление преступлением и выступил на защиту Конституции и конституционного строя России. Будущее подтвердит нашу правоту и бескорыстие.

Скорбим о гибели сотен россиян в вооруженных столкновениях 3 и 4 октября, независимо от того, с какой стороны они сражались. В Москве запылал пожар гражданской войны, когда брат идет на брата, сосед на соседа. Лишь чудо может его загасить. Во имя наших детей, женщин и стариков, в память о тех, кто уже погиб, мы все сообща должны совершить это чудо.

Торжествующие победители, поправившие Основной Закон, готовы уничтожить инакомыслие даже ценой Большого Террора. Многие защитники представительной власти в ожесточении и горечи, а тем более, в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости склоняются к крайним формам сопротивления.

Остановимся! Постараемся понять друг друга. Россия не имеет права на гражданскую войну. Миллионы наших соотечественников, погибшие в ходе революций и войн XX века, зывают об этом. Сегодня как никогда от мудрости и мужества каждого жителя России зависят жизни миллионов и мир в нашем отечестве. И тогда возродится Закон.

Съезд народных депутатов, Верховный Совет Российской Федерации не избежали в своей деятельности ошибок. Но все наши помыслы были направлены во благо России. Мы сделали все, что могли. Пусть те, кто сменяют нас, преуспеют больше.

Соотечественники! Опираясь на многовековые политические, экономические, культурные традиции многонацио-

нальной России, прежде всего на демократические и патриотические традиции великого русского народа, защитим будущее России, сохраним ее единство и территориальную целостность».

Смог, сказал, придал гласности! Внутренне вздохнув с облегчением, раздав приготовленные заранее экземпляры с текстом обращения и, коротко ответив на несколько вопросов, я быстро покинул здание.

Вредная привычка идти наперекор обстоятельствам, страхам и соблазнам

Лично мне грешно жаловаться на жизнь. Вырос при отце и матери, окруженный заботой и вниманием. Благополучно создал свою многодетную семью. Живу так, как хочу. Делаю всю жизнь то, что хочу делать. Поступаю так, как хочу поступать.

А ведь все это – редкая роскошь! Далеко не все вольны в своих поступках, тем более, в своей судьбе. Повезло. Или Бог мне улыбнулся.

Почему? За что такое счастье?

Трудно коротко объяснить почему, но в своей жизни без прямого на то умысла мне многократно доводилось идти против общих настроений и требований. Говорил там, где большинство считало правильным промолчать, молчал там, где «сверху» ждали радостного приветствия, выходил вперед тогда, когда рекомендовалось не высовываться, и оставался на *месте* в момент, когда руководящие указания требовали без раздумий бежать. Не хочу этим кичиться, тем более что порой мои действия влекли за собой не самые хорошие последствия лично для меня. Просто отмечаю факт. Тем более что в долгосрочной перспективе, как правило, я оказывал-

ся прав, но когда эта правота выяснялась, занятая мною ранее позиция становилась общепринятой, а я, забегаая вперед, вновь творил какую-нибудь крамолу.

Характер каждого человека складывается не за один день и даже не за один год, хотя бывают моменты (даже мгновения), резко меняющие судьбу человека, а иногда и характер.

С детства не любил подхалимов и приспособленцев. Осознанную же нелюбовь к конформизму привил мне с первых лет обучения на юрфаке Омского университета А.И. Казанник, человек интеллигентный и страстный. Много позже, когда он стал ярым сторонником Б.Н. Ельцина и в омских газетах еженедельно находил слова для критики в мой адрес как противника первого российского президента, я не без иронии напоминал Алексею Ивановичу, что он сам виноват – не надо было учить меня иметь и отстаивать свои убеждения.

Не надо считать, что я люблю противоречить ради самого противоречия – это не так. Как-то в перерыве Шестого съезда народных депутатов России в апреле 1992 года Президент России Б.Н. Ельцин пригласил на встречу членов Совета парламентских фракций. Расположились за длинным столом, президент во главе, я от него – по правую руку, напротив меня – председатель Совета фракций В.И. Новиков, за ним – И.П. Рыбкин, У.Е. Темиров, А.Л. Головин, Л.А. Пономарев, С.Н. Юшенков. Рядом со мной разместились М.И. Лапшин, Ю.Г. Гехт, М.Б. Челноков, другие участники. Ельцин был в хорошем настроении. Под впечатлением от рефе-

рендума 19 января 1992 года о независимости Южной Осетии и наставлений «друга» Э. Шеварднадзе он начал с увещаний:

– Главное, не нагнетайте на Съезде страсти, не пускайте на трибуну съезда лидера Южной Осетии Кулумбегова.

А я тут же не менее радостно ему сообщаю:

– Борис Николаевич, по нашему настоянию Председатель Верховного Совета Южной Осетии только что перед перерывом выступил на Съезде.

Ельцин резко помрачнел, перевел разговор на какую-то другую тему, но вскоре я вновь был вынужден ему возразить, и президент взорвался раздраженным негодованием:

– Сергей Николаевич, с вами невозможно иметь дело! Вы не хотите идти ни на какие компромиссы!

За столом все замерли. В гробовой тишине, внутренне напрягшись, я медленно и вежливо ответил:

– Борис Николаевич, может быть, мои потомки меня проклянут за то, что я сижу с Вами за одним столом, но то, что я здесь – это вершина компромисса. Лично я никогда Вам не прощу того, что Вы сделали с Советским Союзом. Но ради того, чтобы не было гражданской войны, чтобы мы выходили из сложившегося положения мирно, я сижу с Вами за одним столом и пытаюсь найти решение российских проблем, которое бы устроило всех.

Ну, как после таких публично сказанных слов Ельцин мог меня любить?

Каждый человек имеет свои достоинства и свои недостатки. У каждого есть свой стиль. У одного он проявляется в особой эlegantности в одежде, у другого – в гармонии мыслей и поступков. У третьего стиль – в отсутствии того или иного, а то и в полной безликости. По мне, так щеголем или добряком быть предпочтительнее, чем неряхой или желчным злыднем. Впрочем, это равноценно тому, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным. Быть модным – значит быть оригинальным, но не безвкусным. А обладать чувством меры – великое счастье!

Свой стиль я и внешне, и внутренне шлифую всю жизнь. Благо – есть на кого равняться, кому подражать. С молоком матери мы привыкали к тому, что первое качество любого приличного человека – бережно относиться к другим людям, к чужому мнению и чужому личному достоинству. Умом и силой не гордись, слабостью не кори! С юности и я стараюсь руководствоваться принципом: не воспрепятствовал подлости – значит, соучаствовал в ее совершении. Промолчал – значит, был заодно.

Не пустыми для нас были слова вычеркнутого ныне из хрестоматий по литературе великого романтика и героя Николая Островского: «Жизнь дается человеку только один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое...»

Заканчивал Н. Островский мудрым советом: «И надо спе-

шить жить».

Именно поэтому, идя к микрофону на первых заседаниях Верховного Совета, даже понимая свое одиночество, я не хотел участвовать в совершении ошибки или, тем более, несправедливости. Лишь со временем у меня появились соратники, мы объединились во фракцию «Россия», переросшую в Российский общенародный союз. Первые месяцы 1990 года фракций не было, каждый из депутатов действовал сам по себе, вступая лишь в аморфные группы по интересам или принадлежности к региону. Именно поэтому осень 1990 года – самая тяжелая пора в моем депутатстве: я чувствовал, что страну разносят в клочья, но никак не мог убедить в этом парламентское большинство и ощущал свое бессилие.

С чего же все начиналось? С моего решения идти служить в армию? Это 1981 год. С письма, которое я, студент-первокурсник, написал Л.И. Брежневу с предложением реабилитировать Н. Бухарина, А. Рыкова и других, вычеркнутых из истории создателей советского государства и сказать правду о репрессиях 1920–1930-х годов? Это был 1977 год.

Наверное, еще раньше. И не сразу, не вдруг.

И, конечно, все начиналось с мелочей.

В ситуации, когда одноклассники тайком курят – демонстративно не курить. Ведь отец и дед, которого еще застал живым, не курят.

Когда многие ровесники, показывая свою взрослость, по поводу и без повода сквернословят и грубят – исключить из

своего словарного запаса непристойности, уступить место в общественном транспорте женщинам и старикам, здороваться со встречным человеком и просто не стыдиться быть вежливым повседневно.

Скажите, что, имея высокий рост и спортивную фигуру, легко заступаться за слабых? Да, ростом и силой Бог не обидел, родители наделили, но важна не физическая мощь, а крепость характера. А эту крепость ох как непросто сформировать. Хорошо, когда в период формирования характера есть друзья и мудрые наставники.

Но прежде, чем о них, я хочу вспомнить страну, в которой вырос.

Чувство Родины

Моя родина, русская Держава, в XX веке называлась Советским Союзом.

Страна, в которой я родился, была одной из счастливейших на планете: стабильные будни с возможностью планировать свою жизнь на годы вперед, наполненные беззаботной радостью праздники. Возможно, это была послевоенная реакция фронтовиков на пережитое, но их тяга к семьям и домашнему очагу переросла в общую атмосферу уверенности в завтрашнем дне, которая окружала нас, родившихся много позже, с самого нашего появления на свет.

Не знал, да и не интересовался тогда вопросом, как жили вожди и начальники, – я говорю о жизни простых людей, к которым относились все мои родные, их друзья и знакомые.

Отношение к жизни, тогдашняя наша оценка окружающего вряд ли будут понятны людям XXI века. Когда мои родители купили свой первый телевизор, он был вообще первым на нашей улице, и вечерами (программа по ТВ была всего одна и шла только вечерами) в нашей большой комнате, отделенной от кухни тонкой фанерной перегородкой, собирались все жильцы коммунальной квартиры, соседи и даже жильцы из соседних домов. Рядами ставились скамейки, и шел просмотр всех передач подряд. Мама, выметая после окончания сеанса кожуру от семечек, сетовала на отсутствие порядка,

но на другой день с радостью вновь организовывала общие посиделки.

Детство у нас было светлым, а юность – радостной

Может быть, взрослые и обсуждали политику, международную жизнь – детей это не интересовало, и ни на чьей повседневности из нашего окружения не сказывалось.

Боготворили космонавтов и героев войны, уважали старших и, как само собою разумеющееся, с доверием и почтением относились к авторитету руководства. Не имею в виду руководство страны – оно было где-то совсем далеко, – я говорю о лицах, занимавших мало-мальски ответственные посты либо выполнявших ответственную работу. То, что мама после окончания мединститута стала работать врачом в больнице водников, и ее делало уже фигурой ответственной и уважаемой. Отец, работая водителем страшно красивой – ярко красного цвета, огромной – пожарной машины, стал учиться заочно в пединституте, стремясь догнать маму по положению в обществе.

Невозможно себе было представить, чтобы кто-то не помог другому. Начиная с быта – зайти к незнакомому соседу и просто попросить взаимобразно соли или хлеба было обычным делом. А порядок на улицах, даже в ночное время? Как-то уже в университетские годы в Омске, отправив после за-

тянувшейся генеральной репетиции девушек домой на такси – на все имевшиеся у нас карманные деньги, – мы, парни, разошлись пешком. А мне надо было идти через весь ночной город – из городка Нефтяников, через центр и ж.-д. вокзал – на нашу южную окраину, называвшуюся в народе «Порт-Артур». И, как назло, никаких попутных машин! Дошел к шести утра, ни минуты не беспокоясь о возможных неприятных встречах. И это притом, что наши кварталы считались районом дурным, где слишком многие селились после возвращения из мест лишения свободы. Поворачивая в то утро на родную ул. Пугачева, со смущением и расстройством увидел ждущую меня у калитки маму.

Работая после второго курса летом в студенческом стройотряде, а на пятом курсе и проверяя работу студенческих отрядов всего университета, я не знал заботы в перемещениях «автостопом» по области – попутный транспорт был всегда под рукой. И не знал случая, чтобы за подвоз пассажира даже на дальнее расстояние водитель потребовал бы деньги. Мы рассчитывались с водителями байками о жизни.

Да, стол в доме был не так богат, как нынешние застолья из гляцевых журналов, но питались сытно. Может быть, и потому, что основное выращивали на своем участке: морковь и свеклу, картофель, разную зелень. А ягоды! Особенно собранные в лесах малина и смородина, а на болотах – клюква и брусника. В наших сенях зимой всегда стояла большая бочка с засыпанной на сухую брусникой, оставалось зачерп-

нуть ковшом – и нести в дом для приготовления блюда или просто радостного поедания.

И в старом сибирском городе Тара, где я вырос, и даже на окраине миллионного Омска родители, пользуясь жизнью на окраине, держали корову, кроликов, свиней, а часто и кур. Отец очень любил парное молоко, я же с детства предпочитал молоко холодное. Но мясо, когда заканчивали свои запасы, везли от родни из Знаменского или закупали на рынке. Конечно, Омская область была в Союзе на особом счету – она, мало того, что имела мощный нефтеперерабатывающий завод, нефтехимию, авиационную, космическую и оборонную промышленность, легкую и пищевую промышленность, так еще и кормила не только себя, но и полтора десятка регионов СССР. В 1990 году, когда Омск перестал быть закрытым городом, свежее мясо на рынке стоило 3 руб. 50 коп. Да, минимальная зарплата тогда была 60 руб., а стипендия студента 40 руб., но на эти деньги, пусть не шикая, можно было прожить месяц. И мясо на рынке было!

Так вот, у нас в доме всегда, сколько себя помню, были своего производства молоко, сметана, творог, а с приобретением сепаратора – и масло.

Уже в мою бытность деканом юридического факультета ОмГУ я как-то на неделю остался с младшим братом Игорем «на хозяйстве» – родители уехали в Семипалатинск навестить бабушку. Разделение обязанностей было простым: брат утром выгонял корову за окраину, в общее стадо, а ве-

чером встречал, на мне же лежала и утренняя, и вечерняя дойка.

Приноровились, за первые дни отладили «технику» взаимодействия. В один из дней произошел сбой. Затянулось заседание Ученого совета университета, в котором я по должности участвовал. Судорожно поглядывая на часы, я, наконец, не выдержал:

– Уважаемый председатель, прошу меня отпустить: у меня вечерняя дойка.

Члены Совета дружно засмеялись. Но мне было не до смеха! Лишь принеся на другое утро три литра парного молока, я убедил своих университетских друзей в том, что не устроил розыгрыша.

Конечно, воспоминания зависят не только от эпохи, но и от твоего собственного возраста. Семипалатинск, где я родился, когда родители были там на учебе, – это яркое солнце и пронизывающие насквозь ветры, это безмятежность детства и первые краски радостей и огорчений. Тара, куда мы вернулись на родину отца, – это годы становления, это школьные учителя и одноклассники, это трепетное, еще детское вступление в пионеры и, уже осмысленное – в комсомол. Это сенокосы с отцом, когда тебя готова загрызть туча взлетающих прямо из-под косы комаров, это самостоятельные выпасы коровы-кормилицы, когда на нее, а попутно и на тебя насаждают несносные оводы, а ты мечтаешь о порывах

свежего ветра.

Кто сегодня вспомнит о тимуровцах? А ведь мы действительно, получив от взрослых идею, уже сами, учась в 4–5-м классах школы, проверив окрестные дома, взяв на учет всех одиноких стариков, добровольно помогали им по двору, ходили на колонку по воду, складывали поленницы дров, а то и топили в домах печи. Что вы хотите – Тара была все еще преимущественно двухэтажным деревянным городком. А какие были дома! Возраст многих, судя по бревнам, исчислялся не одним столетием.

Но главное все же – люди. Именно на тимуровских поручениях мы сработались с Володей Пироговым, став потом искренними настоящими друзьями, для которых и годы – лишь досадная помеха в общении.

Мне крупно повезло – я встретил в годы своего становления очень много людей большого сердца и доброй мудрости, у которых учился не только знаниям, но прежде всего образу жизни, отношению к миру и к другому человеку.

При той советской власти, которую застал я, социальной коррозией стало последствие идеологического монополизма – лакировка действительности. Но в борьбе с социальной коррозией и фальшью, со скрывавшимися за ними недостатками само общество и возжаждало Перестройки. Антикоммунизм и антисоветизм же во все времена строился на амальгаме (преднамеренном смешении) правды и лжи. Когда в 90-е от людей, вступивших в КПСС в эпоху Брежнева,

стали требовать покаяния за злодеяния большевиков 20–30-х гг. – это был сюрреализм!

Не удивительно, что среди «разоблачителей» были потомки красных комиссаров, а среди «виноватых» – потомки раскулаченных русских крестьян, казаков, оставшихся в Отечестве дворян и прочих «несознательных элементов».

А сколько «перевертышей» было среди партработников! На первом российском Съезде народных депутатов генерал-полковник Д.А. Волкогонов, с которым мы бок о бок проработали весь съезд, подарил мне свою книгу о коммунистическом воспитании военнослужащих, а уже вскоре стал публиковать свои трактаты о безумных коммунистах.

В июне 1991 г. в Москве, на огромном митинге «Демократической России», лидеры движения Ю. Афанасьев, Г. Попов и другие, опасаясь моего выдвижения на пост председателя Верховного Совета РСФСР, ставший вакантным после избрания Б. Ельцина президентом, дружно выступили с нападками в мой адрес, объявив меня партократом. Митинг транслировался по радио на всю страну. Слушал трансляцию с недоумением: на тот момент большинство из моих обвинителей в КПСС состояло дольше, чем я прожил на свете, причем эти славные московские интеллигенты взяли в свое время все возможное из партийных номенклатурных льгот.

К счастью, были и иные примеры. Как вовремя и громко заговорили о недопустимости разрушения страны такие «иконы» диссидентского движения, как выдающийся отече-

ственный мыслитель, логик и социолог Александр Александрович Зиновьев, как пронзительный писатель Эдуард Лимонов. Их яркие публицистические выступления в 90-е годы очень многим помогли не сойти с ума, не потерять систему нравственных координат.

Россия и русские

Россия – это русская страна. Страна тех, кто говорит на русском языке, кто думает и живет по-русски. Нашим братьям, друзьям и добрым соседям не след этого бояться. Русские – это более чем восточнославянский народ. До прихода на Русь православия восточные славяне были, угры были, а русских не было. Я не говорю сейчас о племени руссов, россов, русичей и т. д. Я говорю о другом. О том, что русские, арийские корни которых теряются в дымке тысячелетий – это не этническое, а цивилизационное явление.

Не зря предки говаривали: «Русь святая, православная, богатырская, святорусская земля». Русский человек ни с мечом, ни с калачом не шутит.

Утром, перед началом заседания Государственной Думы ФС России первого созыва, иду по проходу в центре зала заседаний, вдруг меня окликают уже сидящий на своем рабочем месте видный член фракции «Демократический выбор России» Ю.С. Гусман:

– Сергей Николаевич, читаю «Комсомолку» и ваше вчерашнее блиц-интервью. Вы действительно сказали, что Ваши любимые фильмы – «Покровские ворота», «Не бойся, я с тобой!» и «Звуки музыки»?

– Действительно. Сказал.

– А Вы знаете, что...

– Знаю: Вы – режиссер фильма «Не бойся, я с тобой!»

– И Вы не боитесь это признать? Странный Вы русский националист. Любите фильмы, которые сняли евреи, а режиссер одного и вообще эмигрировал в Израиль.

– От этого я не перестаю быть русским. И не перестаю служить Русскому делу.

В конце XIX века считалось аксиомой, что на основании различия языка, некоторых элементов быта и обычаев русское население (на 1897 год – 79 % населения Российской империи) распадалось на малорусов, белорусов и великорусов. Малорусы, в свою очередь, делились на украинцев, полещуков и русин, или галичан. И это только этнический аспект, исходный, но не единственный.

Можно русским родиться, много важнее русским быть.

Быть русским – значит чтить русские святыни, защищать русскую землю и национальные духовные ценности. Потому и разрешима проблема истинного национализма только в связи с духовным пониманием родины: ибо национализм есть любовь к духу своего народа и притом именно к его духовному своеобразию (И.А. Ильин).

И носители русского духа – не только великие князья и былинные богатыри, не только М.В. Ломоносов или Д.И. Менделеев, но и великий русский поэт Александр Пушкин, африканские корни которого общеизвестны, и русская императрица Екатерина II Великая, исконная немка, как и вы-

дающийся советский полководец, маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, поляк по происхождению. Русские – это своя, отдельная цивилизация. Хуже, лучше других – не нам судить, но отдельная.

Точнее, чем Ф.М. Достоевский, космизм русского национального духа не выразить. Великий русский писатель решительно и категорично отмечал, что мы, русские, «с полной любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, и тем уже выказали готовность нашу к всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит стать братом всех людей, всечеловеческим, если хотите».

Почему люди бережно относятся к своей национальности? Сказав о национальной принадлежности, человек, как правило, тем самым уже отвечал на вопросы: кто за тобой стоит? Какова репутация твоего рода, племени? Что за характер ты имеешь? На что ты годен? Исключения из общего правила при ответе бывали, но это были именно исключения.

Определение национальности не исключает Тайны. Тайны происхождения нашей нации, тайны прихода индоевропейцев на просторы Европы. А индоевропейцы, арийцы – это малая часть общей загадки происхождения наций и всего че-

ловечества, роли человечества в бескрайних просторах Вселенной.

Но не будем углубляться в заведомо необъятные вопросы, Тайной пусть займутся другие. Мы будем говорить о конкретно-историческом, о нас и нашем Отечестве.

Исчезнувшие великороссы

Роковую роль в XX веке в судьбе нашего Отечества сыграло то, что, при высоком уровне образования в Советском Союзе, общественное сознание запуталось в теоретических изысканиях советской эпохи. Победивший социализм стал бороться с религией, национализмом, патриотизмом как реакционными явлениями, препятствующими идти человечеству к всеобщему счастью. Значительную роль в затемнении национального самосознания сыграло методологическое искажение понятий «Россия» и «русские».

Говоря о трех ветвях единого народа – великороссах, малороссах и белорусах, – Ф. Ратцель подчеркивал, что их «вообще можно назвать северно-, южно- и западнорусскими». Если в последнем (четвертом) дополнительном томе самой известной до 1917 года российской энциклопедии – Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, – издания 1907 г. открыть статью «Россия», то первая вклейка к этой статье не может не заставить задуматься. Это составленные Д. Рихтером 4 карты с обозначением: «Распреде-

ние главнейших народностей Европейской России (по родному языку) по данным переписи 1897 г.». Первая карта – «Русские вообще». Затем идут три других карты: «Великороссы», «Малороссы» и «Белорусы». И цвет-то для обозначения всех выбран одинаково: от бледно-розового – до красно-коричневого.

Даже по статистике большевиков в 1920 году на территории РСФСР площадью 18.384 тыс. кв. верст проживало 131.197 тыс. чел., из них родными языками назвали великорусский – 55.667.469 чел., малорусский – 22.380.551 чел., а белорусский – 5.885.547 чел., и было подчеркнуто: «а всего русских – 83.933.667 чел., или 66,80 % всего числа жителей».

К сожалению, согласно данным, например, переписи 2002 года, в России (в границах Российской Федерации) великороссов среди постоянно проживающих нет вообще. Белорусов – 807 970 чел., украинцев – 2 942 961 чел., а учтенных помимо них «русских» – 115 889 107 чел. Хорошо хоть дополнительно к ним указаны 140 028 казаков и 6 571 помор.

Примечательно, что Д.К. Зеленин в своей фундаментальной работе «Восточнославянская этнография», опубликованной в 1927 г. в Германии, обоснованно характеризовал даже классификацию русских на великороссов, белорусов и малороссов как неудовлетворительную, несущую в себе не этнографическое, а историко-политическое значение, и аргументировано выделял четыре восточнославянских народ-

ности. При этом южнорусское население (т. е. русское население Рязанской, Вятской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Тульской, Орловской и Калужской губерний), по его мнению, «этнографически и диалектологически отличается от северорусского (в Новгородской, Владимирской, Вятской, Вологодской и др. губерниях) значительно больше, чем от белорусов».

Великие потрясения стали неизбежны, как только Россию отождествили с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, а с понятием «советский человек», в определенной степени противопоставленном понятию «русский», потерпели социальное фиаско.

Русский национальный идеал

Вспоминать, что «раньше» было лучше, иногда приятно. Но думать надо о том, что лучше будет лишь после того, как именно ты надлежащим образом сделаешь свою работу. В 1997 году в своей книге «Территория государства: правовые и геополитические проблемы» я попытался сформулировать и свое видение Русской цивилизации, и видение русского национального идеала, выделив в нем составные элементы.

Политический – самодержавие народа, вверяющего свою судьбу мудрому вождю (государю). Русское народное самодержавие – именно та модель демократии, которую Полибий определял как «такое государство, в котором исконным обы-

чаем установлено почитать богов, лелеять родителей, чтить старших, повиноваться законам, если при том решающая сила принадлежит постановлениям народного большинства». Недостатки конкретного Государя – Царя, Генерального секретаря ЦК КПСС, Президента – приводили к модификациям этой модели, но не к ее замене.

Социальный – общество Справедливости и Процветания, с распределением Блага в соответствии с трудом каждого, с уважением индивидуального Успеха при участии каждого в общих делах.

Экономический – коллективный (общинный) труд; солидарное благосостояние и благополучие. Собственность уважается, но не признается в качестве цели человеческого существования. Противоборство стяжателей и нестяжателей имеет характер непрерывно развивающегося диалектического единства.

Теологический – Пресвятая Богоматерь как олицетворение Божественного начала и, одновременно, культ замужней женщины, имеющей детей, отдающей всю себя мужу и семье. Чувство Справедливости предполагает осознание Долга и Ответственности, а забвение последних приводит к совершению Греха, искупление которого – священная обязанность каждого. Идея Греха – одна из центральных в русском национальном православном самосознании.

И, наконец, *культурно-нравственный* – как единение с Богом в праведном подвижничестве, служение Справедли-

вости и Правде. При многовековой проповеди Смирения и Послушания русский человек часто следовал им лишь после нахождения приложения своей страстной тяги к созиданию – созиданию Семьи, созиданию Отечества. Стремление к Красоте и Гармонии всегда сопровождает русского человека – независимо от его национальности, заставляя помнить о них даже в заблуждениях.

В чудеса надо верить. Тогда ты сам сможешь их и творить.

Все вместе эти грани национального идеала формируют характер русского человека и его образ жизни. Среди нравственных императивов, формирующих русскую культуру как ключевой элемент цивилизации особого типа, следует выделить идеал подвижничества, аналогичный культу героя-мученика для самосознания британцев, и идею греха как главный критерий человеческого поведения.

Именно на этих идеалах нас воспитывали. Некоторых религиозно, но большинство – светски и по-советски, однако, искренне и последовательно.

Стремиться воплотить в жизнь Русский национальный идеал – это и означает следовать Русским путем.

Следовать своим Путем должна любая нация. Те же японцы, лучше нас сохранившие солидаризм своего общества, именно поэтому идею Пути определили смыслом жизни самурая.

«Человек должен всю жизнь стремиться к тому, чтобы никогда не отступить от Пути. Он должен учиться, постоянно

работая над собой и ничего не оставляя без внимания. В этом Путь». Это бусидо.

Ныне с полным основанием можно утверждать, что исторический спор между русскими марксистами и народниками XIX века – спор о том, должны ли мы лечить социальные болезни западноевропейскими рецептами, как требовали марксисты, или у нас свой путь в истории, называвшийся А.И. Герценом «русским социализмом», выиграла не марксисты-большевики, как казалось почти весь XX век, а народники. Возвышение СССР произошло только тогда, когда политика России соединила стремление к социальной справедливости с национальным укладом и национальным духом, когда на руинах Мировой революции вновь возвысилась чувство Империи, идея Отечества, как того и добивались где осознанно, где интуитивно народовольцы.

Сколь многого наша Родина могла бы избежать, если бы ее государственные деятели на сто лет раньше прислушались к советам мудрого К. Маркса не пытаться жить по его книге «Капитал», подражая Западу, а опираться на свои собственные общинные традиции².

Что губительнее для души человека – злопамятство или склероз? А для души нации? Как порой тяжело отвечать на этот вопрос. Но в жизни очень многое зависит от того, что ты предпочитаешь помнить, плохое или хорошее.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 35. С. 137–138.

Из родовой памяти

Главные люди, не только давшие мне жизнь, но и научившие меня добру и ответственности, состраданию и готовности делать любую работу добросовестно – это мои родители. Они учили меня не только словом, но и личным примером.

Родился я 31 января 1959 года в Семипалатинске, где в то время родители учились. Мама, Валентина Николаевна, – в медицинском, а отец, Николай Наумович, работавший водителем на заводе, – заочно в педагогическом. После моего появления на свет, как уверяют родные, пошел снег. Для зимы, пусть даже восточно-казахстанской, это не удивительно, но почему-то им запомнилось.

Мама была исключительно талантливым врачом. Окончив вуз, была приглашена работать в медицинскую клинику, стала работать над диссертацией, даже выступила на симпозиуме по хирургии в Алма-Ате. Но отдала всю себя мужу и сыновьям, без колебаний оставив ради этого науку.

После окончания отцом педагогического института мы выехали на его родину, в Омскую область.

Первые годы моего земного существования – это годы активных ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. Помню детские впечатления, когда в объявленное заранее время надо было выходить из квартир на улицу, потому что дома ходили ходуном, мебель качалась, звенела по-

суда в шкафах. Потом оповещать жителей о необходимости покинуть дома перестали, но опять же дома трясло, посуда брэнчала. Годы спустя я стал понимать, что был очевидцем отзвуков близких ядерных взрывов. В детстве же эти землетрясения были просто интересны. Даже не было страшно. Воистину, счастье в неведении. Ныне же на упреки недругов я спокойно замечаю:

– Какие ко мне могут быть претензии? Ну, родился я и вырос в Семипалатинске в годы пика активных ядерных испытаний. Мутант. Отвяжитесь с нравоучениями. Принимайте, какой есть.

Бабурины и Бабуриды

В 2007 году я впервые побывал в краю солнечных легенд – в Самарканде. Сразу при нашем с А.В. Фоменко прибытии в отель на вопрос, куда я хотел бы направиться в первую очередь, ответил без колебаний:

– В Гур-Эмир, мавзолей Тимура.

– Конечно, вначале надо к родственникам.

– Не понял?

Я и действительно не понял.

– А Тимур тоже, Сергей Николаевич, был из Бабуридов.

И вообще, жаль, что вы не наш политик! У нас вряд ли кто отказался бы голосовать за Бабурида.

Конечно, люблю говорить о предках, восходящих к вели-

кому Бабуру, основателю династии Великих Моголов. Но не менее люблю вспоминать, что до XVIII века в Сибирской тайге было много тигров, а называли сибиряки тигра бабр. Представьте же мое благородное негодование, когда моя жена Татьяна вычитала в какой-то несерьезной книге, что в белорусском Полесье, а также как и среди донских и уральских казаков бабурами исстари называли пеликанов. Супруга возмутилась:

– После свадьбы я сменила такую замечательную, красивую – просто летящую – фамилию – Журавлева – на какую-то пеликанью!

И пришлось утешать!

О предках я знаю только со слов родных и двоюродных бабушек, да еще некоторых дальних родственников.

Дед моего деда по линии отца, Фирс, был крепким сибирским селянином, сумевшим выучить одного из своих сыновей, моего прадеда Михея на фельдшера. То был XIX век, к началу века двадцатого Михай Фирсович Бабурин был самым уважаемым врачом на севере нынешней Омской области. Добрую память о нем и его лечении я застал у тарчан и в 70-е годы XX века. От него и пошла наша семейная традиция иметь во всех поколениях медиков, надеюсь, она не прекратится и на моем младшем брате.

Мой дед, Наум Михеевич Бабурин, жизнь прожил на глухом севере Омской области ремесленником, зарабатывавшим на прокорм многодетной семьи индивидуальными под-

рядами: брал лесную делянку в васисском урмане, валил вековые сосны и лиственницы, обтесывал, шкурил, свозил бревна по зимнику в Тару или какое-либо село и ставил дом. Предварительно, как и надлежит плотнику-единоличнику, в одиночку делал полностью сруб, год выдерживал для сушки, разбирал на бревна, потом вновь собирал, уже на мох, ставил крышу. Как ныне говорят, сдавал дом «под ключ». И так из года в год. Своим тяжелым трудом содержал жену и шестерых детей. Ввиду многодетности, в войну был мобилизован на местный завод. Из шести человек дедовых родных и двоюродных братьев, ушедших на фронт, вернулся один дед Алексей.

Бабушка, Ирина Сергеевна Бабурина (Королева) занималась только семьей и хозяйством. И всем своим детям дед с бабушкой дали хорошее воспитание и образование.

Дед Наум Бабурин чуть не был расстрелян белыми после установления их власти в Таре. Спас офицер царской армии, которого незадолго до того дед выручил от красных: увидев приготовления к казни, офицер взял деда на поруки, о чем бабушка Ирина благодарно вспоминала даже в 70-е годы. Дед Наум умер, окруженный заботой близких, в 1970 году.

Другой дед, Николай Петрович Кульбедин (Кульбеда), приехал из Брестской области Белоруссии, городка Мотоль, который в средневековье был городом с Магдебургским правом, а в XXI веке едва вытягивает и численностью населения, и уровнем развития производств лишь на село. Приехал

в Семипалатинск осваивать Южную Сибирь. Хотя был, по некоторым сведениям, из семьи священника.

Если дед Наум уклонился вначале от белой мобилизации, потом от красной, общественной суеты избегал, то дед Николай, судя по всему, страстный и деятельный, ввязался в гражданскую войну, которую закончил, гоня басмачей в Ферганской долине. Н.П. Кульбедин вступил в ВКП(б) и, как человек партийный, был брошен на потребкооперацию в село. Возглавлял РайПО, был в конце 30-х арестован. «Убеждали» признаться в совершении предъявленных преступлений, очевидно, серьезно, поскольку даже когда повезло – он дотянул до «пересменки» Ежова и Берия, – и он был выпущен, но выпущен в таком состоянии, что, едва добравшись до своего села, умер.

Его родители, Петр Кульбеда и Кристина Мацукевич, приехали к сыну в Семипалатинск в середине 20-х и из-под польской оккупации, и явно прячась от большевизации европейской России. Если прадеда не стало еще в годы НЭПа, то прабабушка Кристина прожила жизнь долгую, моя мама запомнит ее прекрасно.

Бабушка по материнской линии, воспитывавшая меня в раннем детстве, Анна Максимовна Волкова, тайну своего происхождения и юности, дожив до 90-х годов XX века, унесла в могилу, боясь этой темы и никому ее не доверив. Всю жизнь проработав в больнице детской медсестрой, она чуралась любых разговоров о политике. Не отличались сло-

воохотливостью и две ее сестры, и бабушка Таисия, и бабушка Екатерина. А мы, молодые и глупые, не нашли во время возможности расспросить о предках серьезно и настойчиво. По некоторым сведениям, они были из казачьего рода. Что известно достаточно точно – из ссыльных.

О тех, по кому мы учились жить

У цельной личности не может быть проблем, есть только возникающие непрерывно задачи разной сложности, которые надо решить. И они личностью решаются. Но может быть и другой подход. Мой студенческий друг Виктор Костюнин говаривал, что проблемы любого человека делятся на две категории. Первые – это те, которые неразрешимы. Не стоит тратить на них время. Вторые же решаться сами собой, без какого либо влияния с твоей стороны. Тем более, надо выбросить их из головы.

Интерес к общественным, политическим вопросам как-то сложился, сформировался у меня еще в школьные годы, когда зимними морозными днями я читал книги или сидел около радио (телевидения тогда у нас в Таре не было), слушая подряд все радиопрограммы, от «Клуба знаменитых капитанов», любых радиоспектаклей и до выпусков новостей. Читая художественные, а потом уже общественно-политические книги, я интересовался тем, что происходило в прошлом, что происходит в дни, когда мы живем.

Сколько себя помню, любил историю и довольно рано стал чувствовать ее неполноту. Стремясь восполнить пробелы, начиная с восьмого класса (год 1973) я стал искать встречи с теми, кто сидел при Сталине, и с теми, кто сажал. Беседы с такими людьми обострили мой интерес к отечественной ис-

тории первой половины XX века.

Многое дали мне переписка и беседы с легендарной Н.И. Сац, народной артисткой СССР, с омской легендой, первым секретарем Омского обкома ВЛКСМ в середине 30-х гг. В.И. Шунько, одним из немногих, кто, пройдя через арест вместе с другими комсомольскими лидерами во главе с А. Косаревым, провел долгие годы в заключении, но выжил.

Но начиналось все со школы. Незабываемыми были, например, встречи с одним из старейших тарских комсомольцев, Сергеем Михайловичем Руневым. Они с его будущей женой, Симой Максимовной, вступили в комсомол в Таре в 1919 году, сразу после освобождения Тары от колчаковцев. В 1921 году С.М. Рунев вступил уже в партию большевиков, а в 1974 году или в 1975 году, незадолго до нашего знакомства, его из КПСС исключили.

Исключили не по политическим мотивам, а с формулировкой «за бытовое разложение», за страстную, но изменчивую любовь к женщинам. Его честно пригласили в районный комитет партийного контроля, и тогдашний председатель этого комитета Меньшенина, мать моей одноклассницы, его увещевала, пытаясь отговорить от очередной женитьбы (официально седьмой). Уговорить не смогла, он вступил в брак, и его исключили.

У С.М. Рунева в доме не было книжных полок, но откуда-то он откопал две книги и с легкостью подарил мне, малознакомому пацаненку. Первая, достаточно новая, бы-

ла из серии «Жизнь замечательных людей» – сборник очерков о М.Н. Тухачевском и нескольких других военачальниках. Вторая была еще с «Ъ», явно издания дореволюционного, с выданным титульным листом. На потертом переплете значилось: «К. Каутский». Много позже я все-таки сумел ее идентифицировать, установив, что это был перевод на русский язык теоретической работы К. Каутского «Эрфуртская программа». И такая книга долежала в нашей глухомани в чулане до 70-х годов XX века!

Так вот, С.М. Рунев рассказывал мне и о 20-х годах, и о том, как он работал и служил в Таре в НКВД в 30-е годы. О психологии, общих настроениях. Бывали и курьезы.

Когда он в 1937 начал ухлестывать за сосланной, по его словам, в наш город женой маршала Тухачевского, его пригласил к себе начальник райотдела НКВД и сказал:

– Или эта баба, или партбилет. Выбирай.

Он, что не странно для тех времен, выбрал партбилет.

Я пытался робко заметить (уже имея, пусть и бессистемное, но четкое представление о судьбах многих людей в 30-е годы), что не могла появиться у нас в Таре Нина Евгеньевна Тухачевская. Она была после ареста мужа сослана в Астрахань, где вскоре арестована, потом возвращена в Москву и там расстреляна. Может быть, говорю, это была какая-либо из сестер маршала Тухачевского? Ветеран упорствовал, что ухаживал за его женой.

Его рассказ, безусловно, требовал тщательной проверки,

открытия всех и поныне закрытых архивов.

Размышляя о яркой и непростой судьбе поколения наших дедов, всего нашего Отечества в первой половине XX века, я продолжал искать очевидцев, просто информированных людей, завел даже картотеку на политических деятелей и военных России 1900–1953 годов. А вспомнил беседу с Руневым ради того, чтобы подчеркнуть – именно такие житейские разговоры формировали мое отношение к официальной версии нашего недавнего прошлого, а отношение стало все более критическим и крамольным.

Страна, в которой мы жили

Последние годы очень односторонне и предвзято говорится о периоде Советской власти в России, о социализме и о Советском Союзе. Порой ловлю себя на мысли, что с авторами злобных пасквилей мы жили в разных странах.

Советский Союз, каким я его знал и каким навсегда запомнил, был иным. Наверное, он не был идеальным государством, как не было идеальным и советское общество. Были проблемы, были, как говорили классики, и унаследованные от прошлого «родимые пятна капитализма». Но это было общество, в котором абсолютное большинство и простого люда, и руководителей стремились строить отношения на принципах справедливости.

Наверное, вопрос об «уравниловке», об уравнивании

прав, доходов и расходов решался упрощенно («каждому – по труду»). Но сегодня судить о Советском Союзе по уровню заработной платы того времени, сравнивая ее с нынешней витриной супермаркетов – значит не только модернизировать историю, но и ничего не понимать в организации общества. В СССР только часть труда была адекватно оценена в заработной плате. Остальная часть оценивалась и воплощалась в вознаграждении каждому человеку, исходя из его труда, как через многоуровневую систему социальных льгот и дотаций, так и другими действительно компенсационными механизмами. Если хотите, это и было реальным распределением природной ренты среди всего населения.

Да, заработная плата была небольшой, хотя даже на самую малую в то время заработную плату в СССР – 60 рублей, советскую «минималку» – человек мог прожить спокойно. Но, помимо заработной платы, были по символическим ценам пионерские лагеря и профсоюзные санатории, здравницы. Были действительно социальные проекты, связанные с теми или иными конкретными регионами, была система «северных», система платежей в районах, приравненных к северным. Были многие другие способы заботы о простых трудящихся людях.

Да, именно трудящихся, потому что в то время в российском обществе был культ человека труда. Порой люди творческих профессий под горячую руку «классово бдительных» соседей попадали в разряд тунеядцев. В разряд тех, кто про-

сто не хотел привычным для большинства образом работать. Социальная заточенность общества не могла не сказываться. Но вопрос о советских тунеядцах требуется решать вполне конкретно в каждом отдельном случае, так что не стоит говорить о повсеместном ущемлении прав творческих личностей. Важно то, что в СССР не было людей, судьба бы которых обществу была безразлична. Порой забота была навязчивой, упрощенной, но она была.

Конечно, надо делать скидку на нашу провинциальность. Хиппи, стилиаги, диссиденты... По правде, все это было где-то очень далеко от нас, от нашей русской провинции.

С грустью читал или слушал в недавние времена выступления таких великих деятелей нашей культуры, как Марк Захаров, Майя Плисецкая, Михаил Ульянов, да и некоторых других, которых в советское время, с их сегодняшней точки зрения, притесняли, не давали свободно ездить за рубеж, устраивали гонения на их творчество. А я-то думал, что они и подобные им кумиры народа советской эпохи получили от Советской власти все, что она могла дать. Получили все высшие государственные награды и звания, премии и спецдачи, неоднократно бывали за рубежом. А главное – имели любовь всего народа.

Это мои родители, да и все ближайшие родственники никогда не были за рубежом. Из моих близких только два деда побывали за границей, да и то, как солдаты во время Великой Отечественной войны, сходявшие освободить Европу.

Это была их единственная заграничная «командировка».

Очень признателен Богу за тех людей, с которыми он меня в жизни сводит. Почти у каждого чему-то научился, что-то постарался перенять.

Для меня мои учителя и воспитатели, наставники школьных лет в городе Таре – это действительно люди, по которым я и сегодня сверяю свои поступки. Педагогический коллектив родной школы № 11 для меня – эталон того содружества единомышленников, которое и давало глубокие знания по широчайшему кругу наук, и формировало отношение к жизни, к прошлому и настоящему, вообще к обществу. Эти люди своим поведением закладывали в душу нравственные ценности, задавали высокую шкалу требований к самому себе, а не только запросов к окружающим.

Так сложилось, что в первый класс я пошел в Семипалатинске в школу поселка цемзавода. К сожалению, учителя часто менялись. Помню, как всем классом навещали смертельно больную учительницу в больнице. Наверное, потому по-настоящему моей первой учительницей стала уже в Таре Лидия Бронеславовна Бобровская, для которой наше обучение и выпуск из начальной школы знаменовали окончание трудовой деятельности. За те годы, что она учила нас всему – и отношению к жизни, и знаниям, и умениям, мы и начали себя осознавать в обществе. Потом уже пришли другие учителя, помогавшие нам формировать свою судьбу.

Первый мой директор школы – Василий Иванович Теребун, потом в течение многих лет – волевая и сердечная Дина Андреевна Оржиховская. Никогда не забыть уроков Фали Антоновны Мелехиной, Галины Константиновны Яковлевой, Валентины Михайловны Редькиной, Елены Ивановны Аристовой, Ольги Александровны Кравченко, Елены Александровны Черняевой, Ефросиньи Семеновны Никифоровой, Николая Ивановича Краснова, наших физруков С. Сабанцева и В. Титова. Завуч Татьяна Алексеевна Крупкина не вела у меня занятий, но очень многому научила начинающего комсомольского организатора. А пионерские и комсомольские мои наставники? Они учили трудиться и организовывать труд других, рисовать и выступать на сцене, учили читать и ценить стихи, петь песни.

Оптимизму и жизнелюбию тоже учили. Никогда не был худощавым. Вес колебался и колеблется исходя из возраста и образа жизни. Но – как говорят классики – «стремление похудеть – это хобби на всю жизнь». Моя наставница в Доме пионеров, Клара Ивановна Володева, руководитель нашего драмкружка, была женщиной дородной и озорной. Зоя Андреевна Герман, строгая и добрая директор Дома пионеров, ей иногда говорила:

– Клара Ивановна! Худеть надо.

– А зачем?

– Ну как же, худые живут дольше.

На что она с олимпийским спокойствием отвечала:

– Может быть, худые люди живут дольше. А толстые – с удовольствием!

Радостно-оптимистичный, задорный подход к жизни мне запал в сердце именно с тех времен. Если человек не способен быть веселым – это предмет для серьезного беспокойства не только родных и окружающих, но и его служебного начальства. Он просто опасен для любого дела!

Но и любая словесная колкость должна быть доброй! Несчастен тот, кто не способен на самоиронию, кто не может искренне посмеяться над собой, кто не способен в минуту отдыха петь и веселиться, кто не ценит доброй шутки.

Самый серьезный человек должен быть способен на сумасбродство. Предел любого сумасбродства и любой шутки – в незыблемости достоинства любого другого человека. Человек, не способный смеяться, заслуживает жалости. Человек, не желающий беречь свое и чужое достоинство, заслуживает презрения.

А Людмила Вандышева, вначале моя главная пионервожатая, а потом – олицетворение задора и деловитости райкома комсомола? Именно она вслед за Д.А. Оржиховской учила нас организационным навыкам, прививала вкус к общественной работе.

Жить надо радостно, а дела делать – только с удовольствием.

В этом, может быть, главный урок моего отца, который, выйдя из простой крестьянской семьи, из поколения в поко-

ление жившей на севере Омской области, и словом и делом учил, что надо добросовестно и с удовольствием делать любое дело. Книгу читаешь – получай удовольствие. Поручено тебе навоз убрать, или сено заскирдовать, или забор починить, или еще что сотворить – все делай с удовольствием.

Когда ранним утром мы с отцом выезжали на покос, если еще при первом же взмахе косы поднималась туча комарья, то это был полный ужас, который, казалось, невозможно выдержать. Но ты знаешь, что вместо нас для нашей коровы никто сено косить не будет, что косить тяжело, но надо. И терпишь, побеждая свое недовольство, а потом от победы над собой, над своей слабостью получаешь даже внутреннюю радость, неподдельное удовольствие. Когда машешь косой и сразу видишь результаты своего труда, знаешь, что своими руками обеспечил корм для коровы на зиму, что в семье будет молоко, что всем будет легче и лучше... Разве чувствовать это – не удовольствие?

Наверное, с тех пор для меня смешно, когда женщины пытаются уподобиться мужчинам, и противно, когда мужчины стремятся уподобиться женщинам. Эмансипацию признаю, но до определенных пределов.

С раннего детства нам привили принцип, что можно понять и простить отсутствие отваги и даже ума. Можно понимать, но нельзя прощать подлость.

Мои университеты

Мне и моим друзьям, всем однокурсникам, много дали люди, под чьим руководством мы получали профессию в Омском университете. Первые наши наставники, А.И. Петелин и Р.Л. Хачатуров, выдающиеся ученые, доктора наук, профессора Михаил Семенович Гринберг и Владимир Николаевич Скобелкин.

Первым нашим деканом был Альберт Иванович Петелин, умерший, к сожалению, еще тогда, когда мы были первокурсниками. Очень многому я научился у Валентина Александровича Маршнина, которого потом, уже в 1988 году, сменил на посту декана юридического факультета. А наши замечательные наставники – Н.П. Тутышкин и Л.В. Бессонова, Е.Л. Невзгодина и Л.И. Пастухов, В.Л. Слесарев и Л.В. Меренкова, В.Б. Коженевский и А.И. Казанник, А.С. Фролов и С.Н. Семашко. Мудрейший, эталонный для всех нас философ и логик В.П. Типухин, да и многие другие. Все такие разные и все столь нам необходимые. Да, и в умении принять и понять разных людей надо видеть серьезный урок жизни!

Сразу вспоминается и Ленинград. Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, к которой я аспирантом был прикреплен, профессор Королев Алексей Иванович был крупным общественным деятелем, многолетним депутатом Ленсовета, председателем комиссии по законности.

Участник Великой Отечественной войны. Фронтовики были элитой любого вуза. В Омске это были юристы М.С. Гринберг и В.Н. Скобелкин, историк В.Н. Колесников. В Ленинграде – и тот же А.И. Королев, и Е.И. Ливанцев, и Лукьянов, и энергичный Н.С. Алексеев, и многие другие. Конечно, мы иной раз даже невольно им подражали, у них учились, копируя даже их интонации. Озорство и неизменная доброжелательная ирония того же Королева, его максимализм – они в чем-то тоже вошли в мой стиль жизни.

Для всех нас важны мнения и оценки наших наставников. В первой половине 1991 года, являясь уже одним из неформальных лидеров оппозиции Б.Н. Ельцину в Верховном Совете, я получил письмо. Вскрываю и оттуда достаю лист бумаги, читаю: «Протокол собрания профессорско-преподавательского состава юридического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Слушали: О положении в стране». Ничего себе! А в решении записано: «1. Осудить разрушительную деятельность Председателя Верховного Совета РСФСР Ельцина, который ставит под угрозу существование Советского Союза. 2. Рекомендовать Верховному Совету принять меры по стабилизации положения...» В общем, и дальше довольно суровый текст. Подписи: «Председатель собрания доктор юридических наук, профессор А.С. Пашков, секретарь собрания доктор юридических наук, профессор Л.А. Николаева».

До сих пор помню свое впечатление от этого документа.

Столь принципиальная позиция моих наставников была для меня очень важна. Особенно в тот момент, когда частенько москвичи просто хватали на улице за одежду и истерично кричали: «Ты что тут против нашего любимого Бориса Николаевича выступаешь? Ты против демократии?»

Очень важна. Конечно, в последующие годы я выкраивал любую возможность, чтобы повстречаться и побеседовать со своими университетскими наставниками и в Омске, и в Питере, «сверить часы». Не удивился, услышав о решении ветеранов питерского юрфака считать мэра города А.А. Собчака персоной нон-грата для факультета. Когда же после 2000 года увидел на здании факультета памятную доску Собчака, понимая, что «из песни слова не выкинешь» – он был ведь первым и последним мэром города – не удержался и, встретив на лестнице знакомого профессора А.Ш., съязвил:

– Ну что, сдулись?

– Не спеши. Помнишь, где была его кафедра?

– Конечно.

– Пошли.

Поднимаемся на следующий этаж, поворачиваю по привычке направо... Вместо кафедры хозяйственного права – общественный туалет.

– Понимаешь, Сергей Николаевич, когда нас принудили его посмертно праздновать, то, чтобы ни у кого не возникло мысли сделать на его бывшей кафедре именной музей, совершенно случайно при капитальном ремонте сюда был пе-

ренесен мужской туалет. Теперь, если и будет музей, то уже на месте общественного туалета.

Сильный ход.

Но это будет потом. А изначально я стремился общаться, бывать на кафедральных юбилеях. К сожалению, и на похоронах. Помню трогательный юбилей А.И. Королева, немного грустный юбилей одного из последних ветеранов факультета профессора Е.И. Ливанцева, когда на банкете, сидя рядом с Н.М. Кропачевым и В.В. Лукьяновым, мы перебирали в памяти наших ветеранов. Увы, нет ничего вечного.

Ветераны Великой Отечественной войны уходят, их остается все меньше и меньше. Нет уверенности, что на следующем круглом юбилее Победы кто-то из непосредственных участников войны будет вообще. А ведь я и мое поколение застали еще активных участников гражданской войны. Начиная учиться в шестом классе, в сентябре увидел на стене план мероприятий на учебный год и изумился, прочитав в одном из пунктов: встреча с участником штурма Зимнего дворца. У нас в Таре?

И встреча состоялась. Это был скромный пожилой мужчина, проработавший в нашем городке в незаметной должности несколько десятилетий. Зимний, действительно, брал. Помнится, после революций 1917 года даже был членом Петросовета. Потом неожиданно переехал в Сибирь, в нашу глухомань. Сегодня страшно жалею, что был еще малявкой, мало что знал, не расспросил ветерана о многом. Предполагаю

лишь, что после разгрома в Ленинграде зиновьевской партийной оппозиции он дальновидно сам уехал в Сибирь, забрался ближе к границе урмана (нехоженной тайги) на севере Омской области, да и стал добросовестно работать, не становясь на партийный учет. И пережил успешно роковые 30-е. Впрочем, это лишь мое предположение. А урман у нас знатный – последняя вылазка из урмана белобандитов (тех колчаковцев, что были на севере области и оказались отрезанными от Транссиба в 1919 году наступавшей вдоль железной дороги Красной армией) официально зарегистрирована в 1940 году. Вышли, разгромили сельсовет, пограбили и вновь ушли в урман. А дальше – тишина!

Через много лет, уже в начале XXI века А.В. Фоменко познакомил меня в Париже с человеком уникальной судьбы – Николаем Николаевичем Рутченко-Рутычем. Сын белого офицера, расстрелянного в Крыму красными в 1920 году, окончивший перед войной ЛГУ и даже издавший свою первую научную книгу, он за героизм получил в Советско-финскую орден Красной Звезды, был демобилизован, пошел на фронт в 1941. Дальше для меня история темная, ясно одно: конец войны Н.Н. встречал в немецком концлагере, поскольку, провозгласив русскую идею, воевал и против Красной армии, и против гитлеровцев. После войны – НТС, работа на антисоветских радиостанциях. Нигде особо не пришелся ко двору – заказчикам нужен был антисоветчик, а не русский патриот.

Беседы с Н.Н. Рутченко-Рутычем, его гостеприимной супругой Анной Анатольевной, вывезенной родителями из Крыма в 1920 году, когда ей был год от роду, позволили глубже почувствовать правду и тех, кто воевал в Белой армии.

В гражданской войне не бывает только правых и только виноватых. В чем величие живущей в Испании Главы Российского Императорского Дома Великой княгини Марии Владимировны – она объясняет даже сторонникам монархии, что вырывать из истории России или видеть только в черном цвете советскую эпоху – глупо и антинационально. Не надо считать, что у нас есть право судить поколение наших дедов, посмотрим (кому повезет), какими словами нас будут оценивать наши внуки!

Важно не только помнить ветеранов, чтить поколения, которые были до нас, но важно и не повторять их заблуждений, а соединив воедино силы потомков, каждому на своем месте делать дело – созидать, строить могучую и процветающую Россию. Именно так я воспринимал свою деятельность депутата в Верховном Совете, а потом и в Государственной Думе Российской Федерации.

Вожаки нашей комсомольской юности

В августе 1992 года открывался Московский Дом Чешира – специализированный на травмах опорно-двигательной системы Центр реабилитации инвалидов из числа вои-

нов-интернационалистов. Руководитель центра, энергичный подвижник идеи генерал-майор Науман, с которым мы познакомились на Съезде РОС, настойчиво пригласил меня быть. Гостей на открытии было немного, да и сам дом был небольшой (Ю. Науман сравнил построенный на деньги британского лорда особнячок с подаренной пуговицей, мундир к которой еще надо пошить). Впервые после 1983 года увиделся с И.Е. Пузановым, уже генерал-лейтенантом, ставшим заместителем командующего Московским военным округом.

В момент, когда мы с М. Лиходеем у входа в здание вспоминали наши афганские будни, мимо прошел в Дом небольшого роста мужчина с лохматыми седыми бровями и лукавым взглядом из-под очков. Пожимая мне руку, он с мягкой иронией сказал:

– Приветствую главного ненавистника МИДа.

Видел я его впервые, потому стал гадать, кто это, что не «kozyревец», понятно.

После короткого знакомства с медицинским центром и торжественного открытия начался скромный фуршет. Седовласый незнакомец, судя по всему, ровесник моего отца, стоял рядом с митрополитом Питиримом и призывно махнул рукой, предлагая к ним присоединиться. С владыкой мы уже были знакомы. Приветствовав обоих, я отказался от водочки и взял стакан сока.

– Сергей Николаевич, хочу вам представиться...

Вежливо, но твердо я перебил:

– В этом нем необходимости. Комсомол был и останется светлейшей частью моей жизни. А в годы юности, пусть по фотографиям, но первых секретарей ЦК ВЛКСМ мы знали в лицо, уважаемый Борис Николаевич.

Это был Б.Н. Пастухов, ставший в тот момент первым заместителем министра иностранных дел России.

Так произошло наше знакомство с этим замечательным человеком. Память о комсомоле сразу нас соединила, мы тепло поговорили о 70-х, горестно о текущих временах. Через много лет я признался, что избрание неведомого нам, сибирским школьникам, Б.Н. Пастухова первым секретарем ЦК комсомола меня потрясло, поскольку новому нашему комсомольскому лидеру было уже 40 лет! Для нас тогда 20-летние казались сверхвзрослыми, а 30-летние – стариками, дела которых идут к закату. Лишь когда мне самому исполнилось 40, я понял, что и 60, и 70 – это не возраст. Главное, чтобы было здоровье и буйство души, чтобы человек сохранял тот юношеский кураж, который гонит прочь скуку и равнодушие. Это и есть пассионарность.

Мы часто контактировали впоследствии по служебным делам, особенно на кавказском направлении. Иногда спорили (особенно в период, когда в российском МИД заправлял А. Козырев), но действовали дружно и согласованно. Но всегда Б.Н. Пастухов был образцом четкости и самодисциплины, последовательности в проведении линии Кремля. Как

только мог, он пытался передвигать «генеральную линию» в направлении государственных интересов.

Даже в мелочах он сохранял высокий уровень своей работы. В 90-е годы российские начальники, особенно в Правительстве, перестали брать трубку телефонов даже правительственной связи, ставя все чаще дублирующие аппараты в своих приемных. Между тем, связь потому и называлась правительственной, что ее имели право использовать только лица, на которых номер был зарегистрирован. В какой-то момент Б.Н. Пастухов оказался единственным членом правительства, который всегда трубку телефона брал сам. Я не мог как-то сдерживать восхищения:

– Борис Николаевич, Вы единственный руководитель в Российской Федерации, который соблюдает служебную инструкцию по использованию АТС. Кроме Вас это делает только патриарх Алексий II. Не могу не сказать, что Вы традиционно – эталон и пример для подражания.

– Сергей Николаевич, меня партия и комсомол учили порядку и дисциплине. По-другому не хочу и не буду. Если к такому стилю работы присоединитесь – буду рад.

В отличие от многих государственных деятелей той эпохи, Б.Н. Пастухов сохранил за собой самостоятельность действий, инициативность в разрешении любых вопросов. Как опытный аппаратчик, он никогда не нарушал инструкций и указаний высшего руководства, но ему удавалось даже при Ельцине и Черномырдине не ползти к решению вопроса по

узкому коридору ограничений полученного задания, а ювелирно ткать это решение, балансируя на грани между разрешенным и недопустимым. И всегда со стороны оптимального отстаивания долгосрочных интересов России.

В 2013 году, чувствуя этого выдающегося человека в год его 80-летия, я искренне сказал, что именно Б.Н. Пастухов и подобные ему лидеры ВЛКСМ стали для меня в свое время символами единства слова и дела, лучшего, что было в комсомоле. Свой адрес юбиляру я подписал помимо некоторых своих регалий, прежде всего, первой: член ВЛКСМ с 1973 года.

Однако в начале 80-х Б.Н. Пастухов, как до него и Е.М. Тяжелников, был для нас где-то далеко и высоко. Для омской студенческой молодежи примером для подражания был Юрий Ошлаков, руководитель Омского обкома комсомола, опытный организатор и доступный нуждам любого комсомольца лидер. До него – Юрий Гудков. Юрия Порфирьевича Гудкова своими комсомольскими годами я затронул, правда, уже когда тот перешел на партийную работу в обком КПСС, а потом и вообще приехал первым секретарем горкома партии к нам в Тару. И мы гордились, что из недр комсомола росли такие авторитетные лидеры.

В Омском университете, когда я туда поступил, непрерываемым авторитетом был Виктор Павлович Люшня, секретарь комитета комсомола. И он учил навыкам комсомольской работы не только словом, но и личным примером. На-

ши навыки по правильной организации общего труда, по индивидуальному подходу к любому сверстнику – заслуга В.П. Люшни. Ему безоговорочно доверяли потому, что он верил в то, о чем говорил. Уже работая на преподавательской ниве В.П. Люшня как личную трагедию воспринял гибель СССР и развернувшуюся антикоммунистическую истерию.

По большому счету, для миллионов людей сама общественная комсомольская работа стала вторым высшим образованием – она давала навыки работать с людьми, учила организовывать себя и других, планировать свою и чужую жизнь, биться за выполнение своих жизненных планов.

И ныне было бы полезно в делах общества не только воссоздать некое общенациональное молодежное движение, но и строить его по старому комсомольскому девизу:

Делай дело! Не умеешь? – Научим! Не можешь? – Поможем! Не хочешь? – Заставим!

Да только дело это не может быть конъюнктурным или корыстным.

Вернусь снова к истории своей жизни. В Таре, на выпускной линейке в школе, ко мне подошли несколько человек, и один из них сказал:

– Я тебя, парень, приглашаю учиться в Новосибирск на исторический факультет университета.

Я не колебался:

– А есть там юридический факультет?

Меня привлекала наука история политических и правовых учений – а это была юридическая наука (политических тогда официально не было).

– Нет. Нет у нас юридического.

– Очень жаль. Тогда я поеду в Омск, решил все-таки на юридический поступать.

Меня стали убеждать, чтобы я не делал глупостей, потому что приглашал меня ответственный секретарь приемной комиссии Новосибирского университета.

– Ты, можно сказать, уже зачислен. Тем более – не хочешь на историю, поступай на математику (у меня по математике были тоже достаточно приличные способности).

Но я упорствовал:

– Спасибо, нет. Хочу поступать только на юридический факультет. Значит, не судьба мне быть в Новосибирске. Да и до Омска из дома немножко ближе, чем до Новосибирска. Всего 300 км.

Черная «Волга» на омской окраине

Еще в седьмом-восьмом классах я стал подходить к школьным учителям с вопросом:

– А почему не говорят правду о Бухарине, Рыкове, многих других деятелях революции, гражданской войны?

Поступив в 1976 году на юридический факультет Омского университета, впервые поселившись в огромном городе,

городе-миллионере (в Таре на протяжении двух последних столетий численность жителей колеблется в пределах 20–25 тысяч), на первом курсе университета я направил письмо Леониду Ильичу Брежневу.

Это был момент, когда публично, широко обсуждался проект новой советской конституции. Конституция была утверждена. В том же 1977 году Председателем Президиума Верховного Совета СССР официально стал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. До него этот пост занимал Н.В. Подгорный. С 1965 года в СССР привыкли к «триумvirату»: Л.И. Брежнев, Н.В. Подгорный, А.Н. Косыгин. И воспринимали триумvirат уважительно.

Сразу после принятия новой Конституции СССР и избрания Л.И. Брежнева председателем Президиума Верховного Совета СССР, я направил новому главе Советского Союза письмо. Хотя я и был первокурсником, но уже считал себя юристом достаточно грамотным, поэтому написал не Генеральному секретарю ЦК КПСС, а именно Председателю Президиума Верховного Совета СССР. И поставил в этом письме вопрос о том, что пора сказать правду о сталинских временах. Что, может быть, пора реабилитировать Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Сокольников и многих других. Либо просто сказать, что же они совершили такого, что их нужно считать врагами. Ну нельзя вымарывать из истории людей, даже если они стали преступниками. Надо просто сказать, в чем они преступники.

Ответ пришел уже осенью того же 1977 года в виде черной «Волги», которая свернула к нашему дому на окраине города Омска в один из осенних дней. Меня в это время дома не было (я же учусь, я же студент). Этот дом, между прочим, мы строили вместе с отцом (он, как и мой дед, был с большими плотницкими способностями, и меня приучал к этому делу). Мама, открыв ворота, увидела выходящую из машины женщину, которая спросила, здесь ли живет Бабурин. Получив утвердительный ответ и увидев выходящего вслед за мамой отца, она спросила:

– Вы Бабурин? Я прошу Вас проехать вместе со мной.

В нашей семье память о 30-х годах и черных машинах, которые увозили кого-то, была на генетическом уровне очень активной. И отец был категоричен:

– Ни за что! Я не собираюсь с Вами никуда ехать. Я никуда не планировал ехать.

Услышав, что приглашают ехать в областной Комитет партийного контроля, он тем более замахал руками:

– Я никогда к коммунистической партии не принадлежал. Зачем мне к Вам ехать?

В этот момент мама заметила на том письме, точнее, письменном приглашении, которое держала в руках женщина, инициалы «С.Н.».

– Так это же не Николаю Наумовичу письмо, это Сергею Николаевичу. Это наш старший сын.

Гостья стала расспрашивать, кто же старший сын. Приня-

ла приглашение зайти в дом, посмотрела мою тогдашнюю библиотеку. А я ею весьма гордился, потому что уже в восьмом классе средней школы, когда устроил перепись своих книг... Нет, наверное, в 9-м классе. Словом, когда я устроил перепись своих книг, оказалось, что библиотека у меня состояла из трех тысяч томов. А на первом курсе – в начале второго уже, получается, было явно более пяти тысяч. Причем тогда ведь были проблемы с художественной литературой, за ней гонялись, ее покупали в основном по разнарядкам, по талонам. Поэтому большинство книг, которые были у меня, были общественно-политическими книгами. Ну, начиная с полного собрания сочинений В.И. Ленина, далее Маркса, Брежнева, книг руководителей зарубежных компартий – все, что мне удавалось где-то купить. А я еще сумел к тому времени в складских залежах или в макулатуре найти стенографические отчеты почти всех первых съездов Коммунистической партии. И из 24 съездов, прошедших на тот момент, у меня, наверное, съездов 19 уже было. Поэтому библиотека была специфической. Я не только покупал, но и читал эти книги.

Для меня тогда оставили бумагу с приглашением, чтобы я приехал к ним сам. На другой день приезжаю в областной Комитет партийного контроля, в здание ОК КПСС, на которое смотрел всегда со стороны, уважительно, конечно, но немножко с опаской. По ковровым дорожкам, которые, как я помню, произвели на меня впечатление серьезное, меня про-

вели к кабинету Председателя областного Комитета партийного контроля по фамилии Булавко. Он принял меня практически сразу и, посмотрев, начал свою речь словами:

– Ну что, молодой человек, если бы ты был коммунистом, я бы с тобой говорил по-другому. Но ты комсомолец и мне поручено тебе объяснить. Ты писал письмо в ЦК Брежневу?

Я говорю:

– В ЦК я не писал, а Брежневу писал. В Верховный Совет. Булавка сказал, что разницы никакой. И начал мне объяснять, что вопросы, которые мною поставлены, на самом деле давно сняты. Партия давно разобралась и с Бухариным, и с Рыковым, и со всеми остальными. И поэтому я должен принять это к сведению. Что был февральско-мартовский Пленум ЦК КПСС в 1937 году, на котором Бухарин и Рыков были осуждены, и с ними все ясно.

Я, не без робости, попытался возразить, что ведь это же был 1937 год. Может быть, что-то там было не так. По крайней мере, материалы этого Пленума надо опубликовать и все-таки правду о них сказать. Если они что-то совершили против партии, то, может быть, не надо их восстанавливать в партии. Но они вряд ли, на мой взгляд, совершили что-то против государства. И поэтому я ставил вопрос о реабилитации их как граждан страны, а не как членов ВКП(б). Ответ, который прозвучал, был очень жесткий, и после того, как он прозвучал, у меня как-то исчезли вопросы к собеседнику. Председатель Омского областного комитета парткон-

троля жестко сказал:

– Молодой человек, в партии есть вещи, которые надо брать на веру и на них строить свои убеждения.

Ну, я подумал, что это, вообще-то, уже что-то религиозное. Уже тогда был убежден, что в политической сфере убеждения должны формироваться как-то по-другому. Они должны быть основаны на знании реальных фактов, а не на догмах, которые кто-то умозрительно сформировал. Я потерял интерес к дальнейшему разговору. Беседа вскоре завершилась, мы расстались.

Убежден, что о моем письме сообщили в университет. Но, можете себе представить, никто, ни один человек не дал мне даже намеком понять, что о моем вызове в обком что-то известно. Единственно, на ближайшем каком-то собрании я поймал на себе пристальный взгляд секретаря парткома университета профессора Семашко Сергея Николаевича, который весь вечер сверлил... вернее, пристально меня рассматривал. Я чувствовал себя неудобно, как человек, который что-то скрывает. Но и он не подошел и не сказал ни слова. Никто не осудил, не похвалил. Просто все сдержанно отнеслись к этой истории, как будто ее и не было. Но для меня-то эта история была. И мои взгляды, мой интерес к прошлому она скорее укрепила.

Именно поэтому я уже на втором курсе заявил, что хочу вступить в Коммунистическую партию Советского Союза. И хотя активно занимался общественной деятельностью, уже

со второго курса стал секретарем комсомольского бюро юридического факультета, а в конце учебы уже был секретарем комитета комсомола Омского государственного университета, три года я стоял в очереди на вступление в Коммунистическую партию.

Дело в том, что на тот момент прием был свободен для представителей рабочего класса и колхозного крестьянства, а вот всю интеллигенцию, к коей относили и студентов, принимали по разрядке. На пять членов партии из рабоче-крестьянской среды интеллигентам отводилось одно, может быть, два места. Тем не менее, на четвертом курсе я был принят в кандидаты в члены КПСС. И на четвертом курсе, и потом, когда уже вступал в члены партии, в своих заявлениях я не писал о намерении строить коммунизм, как это по шаблону часто было принято. Я везде написал о том, что хочу вступить в Коммунистическую партию Советского Союза для того, чтобы продолжить дело старших поколений по формированию общества социальной справедливости, по укреплению законности в нашей стране и созданию условий для действительно счастливой жизни людей.

Никогда не жалел об этом своем шаге, даже в эпоху разгула антикоммунизма в середине 90-х годов. Единственно, когда началась перестройка, и на КПСС обрушились с самыми различными обвинениями, я сказал, что поддерживаю необходимость реформирования партии, но из самой партии никогда не выйду. Пусть меня исключат, если не буду соответ-

ствовать ее критериям, но я за то, чтобы она в обновленном виде сохраняла на себе ответственность за развитие и за путь в будущее нашего общества. Убежден, что сам запрет КПСС произошел в момент, когда партия радикально обновилась, когда она стала динамично развивающейся системой, когда не позднее осени 1991 года она необратимо избавилась бы от М. Горбачева, а вместе с ним – от нигилизма, сепаратизма и нерешительности.

В августе 1991 года, я присутствовал в зале Верховного Совета, когда проходила та постыдная встреча... Это не было официальным заседанием парламента, была именно встреча народных депутатов России с Президентом СССР, вернувшимся из «форосского пленения».

На сцене находились два Президента – Союза и России – а в зале творилось нечто невообразимое. Сгрудившиеся у микрофонов депутаты – члены движения «Демократическая Россия» – состязались между собой, кто задаст самый каверзный вопрос, кто будет грубее с Президентом СССР. Они, как стервятники, бросились на Горбачева, терзая не столько его, сколько Советский Союз и высшие органы власти СССР. М.С. Горбачев либо вяло оборонялся, либо даже поддакивал упрекам в адрес союзных органов, когда такие упреки звучали.

В момент, когда Б.Н. Ельцин торжественно и эпатажно заявил о том, что именно сейчас, в присутствии Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР Михаила Сер-

геевича, он подписывает указ о прекращении деятельности Коммунистической партии Советского Союза, Горбачев повел себя вновь как слабый безвольный человек, заискивающе умоляющий Б.Н. Ельцина:

– Не надо! Борис Николаевич! Не надо подписывать!

Когда на моих глазах антиконституционный указ был подписан, когда в зале мало кто не оцепенел от сюрреализма происходящего, хотя многие и стали радостно кричать и аплодировать, я встал со своего места и вышел из зала.

Поразительно, но именно в этот момент у меня на сердце стало легче, словно тяжесть упала с плеч. С 19 августа я толком не мог понять, что происходит, точнее, почему все происходит как-то не так. Когда же при выходе из зала заседаний растерянные журналисты в холле бросились ко мне за комментариями о запрете КПСС, я без колебаний сказал:

– Ну, теперь вы понимаете, что вот именно сейчас происходит государственный переворот. Именно сейчас, а не 19 августа 1991 года. Вы знаете, что 21 августа в знак протеста против бездействия ЦК КПСС я приостановил свое членство в партии, требуя смены ее руководства. Так вот сейчас я говорю, что из КПСС не выйду! А беззаконие, которое творит по отношению ко всей партии Ельцин, является государственным преступлением.

И журналисты, и несколько стоявших рядом с нами депутатов выслушали меня молча и подавленно. Только один еженедельник, вскоре закрытый победителями, риск-

нул опубликовать на другой день мои слова.

Гордости и горести землячества

Бог даровал мне встречи и общение со многими выдающимися людьми, в том числе среди земляков, выходцев из Омской области. Довелось лично познакомиться и даже совместно работать с легендарным Сергеем Иосифовичем Манякиным. Человек, которым гордится его малая родина – Ставрополье, и которого почитают в Омском Прииртышье, неотъемлемой частью которого он стал.

С.И. Манякин за 26 лет руководства Омской областью преобразил наш регион, выведя его в число регионов-лидеров по производству и социальной сфере, по культуре и науке. Он сформировал из омичей управленческую команду, которой были по плечу любые задачи. Именно поэтому его ценили и боялись в Москве. Именно поэтому М. Горбачев его забрал в Москву, повысив до руководителя Комитета партийного контроля ЦК, и в Москве отправил на пенсию.

Мне довелось вернуть С.И. Манякина в политику, предоставив возможность еще четыре года помогать омичам выжить в лихолетье.

Но сейчас хочу сказать о другом дорогом для меня человеке, о Михаиле Александровиче Ульянове.

Для меня М.А. Ульянов – не просто великий земляк. Это человек, по которому мы, сибирские мальчишки, особенно

тарские мальчишки, равнялись, которым гордились и на которого стремились походить – на того Ульянова, что играл ярких героев-коммунистов в «Председателе», «Добровольцах», в эпопее «Освобождение», да и во многих других советских фильмах.

Когда в 1990 году я впервые попал в Москву, где Михаил Александрович трудился в Вахтанговском театре, конечно, у меня была мечта с ним познакомиться. Я ходил на «Мартовские иды» с М. Ульяновым в роли Цезаря и долго после этого размышлял над злободневностью этого спектакля и этой ульяновской роли.

Но сложилось так, что я перегорел. Более того, оказываясь, причем неоднократно, в компаниях вместе с Михаилом Александровичем, особенно на собраниях Омского землячества, в правление которого мы с М.А. Ульяновым входили, я старался избегать общения с ним. И впервые сам подошел к нему, чтобы сказать несколько слов, только после премьеры фильма С.С. Говорухина «Ворошиловский стрелок».

Станислав Сергеевич, пригласив меня на премьеру в Дом Кино, просто пролил бальзам на мои раны. После просмотра фильма, подойдя к идущему по коридору Михаилу Александровичу Ульянову и его супруге, я поздравил своего великого земляка с успехом и сказал:

– Михаил Александрович, Вам надо было сыграть эту роль!

Очевидно, что сказанное как-то перекликалось с ощущение-

ниями самого Ульянова, потому что он не просто кивнул, не просто вежливо поблагодарил, а стал говорить о том, как непросто понимать, где добро и зло, как непросто последние годы было ему отличать одно от другого.

Известие о смерти Михаила Ульянова застигло меня, когда я был на отдыхе в Курской области. Я тут же выехал в Москву. Приехав с вокзала домой (до похорон оставалась еще пара часов), я сел за стол и полчаса сидел, ничего не делая, просто размышляя. Потом встал и... поехал на вокзал, чтобы уехать назад в Курск.

Не смог я заставить себя пойти на похороны, потому что как президенту Омского землячества в Москве мне могли дать слово, а я не хотел говорить неправды. Этого не простили бы мне мой покойный отец, и художник-фронтовик Иван Пензов, и многие другие дорогие мне люди, ставшие жертвой 1991 года. Тем более, не хотел говорить правду в момент, когда мы прощались с великим артистом. Почему?

Потому что в 1990 году, прибыв в Москву, я услышал выступление Михаила Ульянова на съезде ВТО, где он призвал разобраться с Игорем Горбачевым и Татьяной Дорониной за то, что они продолжают якшаться (это его слово) с коммунистами. А потом я услышал, как Михаил Александрович рассказывает о своей игре в кино и театре, где он играл коммунистов, но играл он эти роли с фигой в кармане.

Представьте, как Егор Трубников держит в кармане фигу, когда говорит со своими односельчанами. Или маршал Жу-

ков. У меня пропало желание встречаться с актером, блистательно сыгравшим эти роли, потому что я, в отличие от него, не хотел отречься от идеалов его киногероев, от образов, которыми восхищался, которым подражал.

Но именно за это предательство идеалов на 400-летие города Тары, в 1994 году, группа тарских фронтовиков направила своему земляку М.А. Ульянову письмо, порекомендовав ему не приезжать на юбилей. М. Ульянов сослался на гастроли и ограничился поздравительной телеграммой.

Много позже 1990 года Василий Семенович Лановой просил меня не принимать близко к сердцу слова своего старинного друга, не обращать внимания на те заявления Михаила Ульянова. Что я должен, мол, понимать, что артисты есть артисты, они всегда обслуживают власть. На что пришлось возразить:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.